

РОССИЯ
ДЕРЖАВНАЯ

ВИКТОР
ДЖАНИБЕКЯН

ТАЙНА
УБИЙСТВА
СТОЛЫПИНА

Россия державная

Виктор Джанибекян

Тайна убийства Столыпина

«ВЕЧЕ»

1989–2006

Джанибемян В. Г.

Тайна убийства Столыпина / В. Г. Джанибемян — «ВЕЧЕ»,
1989–2006 — (Россия державная)

ISBN 978-5-4484-8045-4

Книга В.Г. Джанибемяна рассказывает о реформаторской деятельности и трагической гибели выдающегося государственного деятеля старой России П.А. Столыпина. Его имя звучало в начале XX века громче всех остальных, порой даже сам император как бы оказывался в тени своего премьера. Но в советское время отечественная историография рисовала фигуру Столыпина исключительно черными красками. В школьных и вузовских учебниках его называли реакционером и жестким диктатором, писали лишь о «стольпинских галстуках» и «стольпинских вагонах». Укрощение революции – это, безусловно, историческая заслуга Петра Аркадьевича. Но главное его достижение – это реформы, которые он начал проводить целеустремленно и настойчиво, чтобы усилить державу. У Столыпина надо бы поучиться всем, кто мечтает возвысить Отечество, сделать его богаче и экономически сильнее.

ISBN 978-5-4484-8045-4

© Джанибемян В. Г., 1989–2006

© ВЕЧЕ, 1989–2006

Содержание

Неожиданный визит	6
Дела давно минувших дней...	14
Откуда взялся этот Столыпин?	24
Новый министр – новая метла...	31
Здравствуй, Санкт-Петербург!	42
Начало полицейской карьеры	53
Агент номер один	57
Взрыв на Аптекарском	66
«Максималисты»	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Виктор Геворкович Джанибекян

Тайна убийства Столыпина

© Джанибекян В.Г., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Когда путник направляет путь свой по звездам, он не должен отвлекаться встречными, попутными огнями.

П.А. Столыпин

Звезда Столыпина возила на российском политическом небосводе неслучайно. Он был востребован историей именно в столь драматический момент, потому лучше, чем кто-либо другой, был способен помочь России, а вернее, спасти ее, вывести с минимальными потерями из грозных общественных катаклизмов. И не его вина, что этого не случилось.

В.В. Казарезов

Столыпин...

Самое яркое из имен последнего царствования...

Мало сказать, что Столыпин был одним из лучших министров всех вообще царствований: он и от лучших слуг российского императорского престола был отличен тем, что обладал чертами вождя, в современном политическом значении этого слова. Столыпин был диктатором. «Временщиком» звали его враги. Он властно вел русскую политику, круто направляя ее в определенное русло, и одно время добивался в Царском Селе всего. А вместе с тем умел оставаться, внешне, служилым рыцарем своего Государя.

И.И. Тхоржевский

Неожиданный визит

Обычный мартовский день – промозглый, ветреный. В давно не отапливаемой квартире зябко. Казалось, холод проникал из всех щелей, и потому мужчина преклонного возраста возился на кухне, набросив на себя старенькое одеяло. Когда позвонили, он медленными шагами подошел к двери.

– Кто там? – спросил настороженно.

– Скажите, здесь живет господин Курлов?

– Кто вы?

– Вы меня не знаете, Павел Григорьевич, – произнес незнакомец, стоявший за дверью. – Я хотел бы переговорить с вами. Будьте любезны, отворите...

Прежде чем открыть дверь, хозяин квартирки прислушался, не раздадутся ли в лестничном пролете другие голоса, и лишь потом, отодвинув щеколду, приоткрыл дверь. Осмотрел пришельца изучающе, неторопливо, как обычно полицейский осматривает свою жертву.

– Вы меня не знаете, – повторил незнакомец. – Сегодня я довольно-таки скромный человек. Как и вы, на чужбине оказался не по своей воле. Хотелось бы побеседовать с вами, Павел Григорьевич, касательно давно минувшего дела. Прошли годы, но оно по-прежнему интересует меня, впрочем, как и многих русских. Полагаю, только вы смогли бы что-то объяснить...

– Хорошо, проходите, – недовольно буркнул Павел Григорьевич, не зная, с каким намерением пришел к нему этот человек. – Здесь, к сожалению, не прибрано...

Незнакомец рассматривал дешевую квартиру с нищенской обстановкой. Такое жилье снимали на окраине немецкого города русские эмигранты, лишенные средств к существованию. Не важно, кем они были когда-то, какие посты занимали, какими поместьями владели, сегодня важно было другое: имели ли они возможность оплачивать свою жизнь в чужом краю. Незнакомец понял, что у Павла Григорьевича никаких возможностей на приличную жизнь давно нет.

– Итак, молодой человек, что же привело вас ко мне? – спросил Павел Григорьевич у незваного гостя, когда они расположились на жестких стульях: хозяин сел за стол, а пришелец примостился возле кушетки с выцветшей обивкой.

– Давнишняя история, Павел Григорьевич, очень давнишняя. Вернее, не сама она, а ее тайна. Говорили, что вы имели к ней непосредственное отношение. Лично я не могу судить о степени вашего участия, но уверен, что только вы смогли бы пролить свет и рассказать то, о чем не знаю я. Вы жандармский генерал Курлов, занимавший ответственные посты при царе? Я не ошибся?

– Нет, не ошиблись, молодой человек.

Конечно, Курлов многое знал, но это вовсе не означало, что бывший генерал собирался довериться каждому встречному, которого видит впервые. Сам же Курлов никогда не спешил – это было важным правилом его профессии.

Незнакомец сосредоточенно молчал.

– Так что же вас интересует? – прервал Курлов молчание.

– Меня интересует тайна гибели премьер-министра России Петра Аркадьевича Столыпина. Я уверен – никто, кроме вас, не может знать всей правды...

Вместо ответа Курлов спросил:

– Кто вы? Вы даже не представились...

– Ах да... Простите... не успел... Я бывший журналист бывшей газеты, закрытой в восемнадцатом году большевиками. Сейчас, правда, это не имеет никакого значения, поскольку я – лишь частное лицо.

– Вы намерены что-то написать с моих слов? – поинтересовался Курлов.

– Нет, речь не идет о публикации. Я хочу лишь узнать, докопаться до правды. Впрочем, вы правы, нашим соотечественникам тоже желательно было бы узнать эту правду. Пройдет время, участники той истории покинут сей мир, и потомки останутся в неведении. Когда существовали монархия, царь, на верность которому вы присягали, вы не имели права сказать что-то лишнее, но теперь, когда монархии и царя нет и вас не связывают никакие обязательства, вы могли бы быть откровенны.

Но Курлов не намеревался возвращаться в прошлое, которое считал давно забытым, тем более к трагической гибели Столыпина, о которой в свое время шумела вся Европа. Он знал – слухи ходили всякие, высказывались разные предположения, обвинялись многие, в том числе и он, жандармский полковник, отвечавший за охрану государя на торжествах в Киеве, где было совершено покушение на премьера. Копаться в старье ему не хотелось, и он повторил журналисту суть официального заключения расследования.

– Обо всем уже было сказано в решении его императорского величества: злого умысла со стороны охраны не было. Была лишь допущена халатность официальными лицами, отвечающими за охрану. Она и привела к гибели Столыпина. Все остальное, о чем болтают несведущие люди, в том числе и о заговоре против Петра Аркадьевича, ничего не значащая чепуха!

– Нет, нет, – перебил его журналист, – допустить такие промахи, которые обнаружались во время киевских торжеств, и покушение на Столыпина, такие профессионалы, как вы, Кулябко и Спиридович, не должны были. Так могли поступать дилетанты, вы же – мастера политического сыска! Потому, Павел Григорьевич, и тянется слух о заговоре...

Журналист осекся. Он понял, что перешагнул черту, которую нельзя переступать при первой встрече. Его собеседник от одного слова «заговор» мог спрятаться в скорлупу, из которой его невозможно будет вытащить.

И Курлов болезненно отозвался на такое утверждение.

– Вашего брата хлебом не корми, только подай сенсацию! Вы все мастаки за вознаграждение. В этом и состоит разница в наших ремеслах – мы должны скрывать, а вы вынюхивать, чтобы растиражировать в своих газетах. Но уверяю вас, все было как раз не так, как вы предполагаете. В Киеве не существовало никакого заговора, а прозвучали лишь выстрелы одиночки-террориста. На нашу беду, он когда-то имел отношение к охране. Вот и потянулись слухи...

– Но, согласитесь, слухи не бывают беспочвенны...

– А если их распускают те, кому это выгодно? Если это делается умышленно?

– Тем более, Павел Григорьевич, их надо развеять. И сделать это в первую очередь должны вы. Расскажите всю правду. Решитесь. Я предлагаю написать книгу, которая с интересом была бы принята русским обществом. Вы же знаете: дела суетные минуют, книга останется...

– Я никогда не занимался беллетристикой, – ответил на предложение генерал, – разве что перепиской, да и то в большей степени служебной.

– Но посмотрите, сколько воспоминаний написано бывшими военными и политиками, и их, надо признать, с удовольствием читают.

Курлов поморщился:

– Мемуары пишут только в тех случаях, когда хотят оправдаться и очистить себя. Мне этого делать не надо, моя совесть чиста.

Он отклонялся от темы разговора, но журналист был даже рад этому, потому что знал: разговорить человека можно лишь тогда, когда втянешь его в откровенную беседу. Хотелось расположить к себе Курлова, чтобы узнать у него если не всю правду, то хотя бы какую-то ее частицу. Разговор, конечно, будет нелегким, но то, что сама тема уже затронута, настраивало на оптимизм, даже несмотря на нежелание собеседника касаться самой тайны.

Но Курлов не хотел возвращаться к киевским событиям. Лично его заинтересовало другое – возможность воспользоваться представившимся случаем и высказать все, что накопилось у него на душе.

– Вы не знаете, кто я, но я вам скажу. Я внук и сын солдата, с детских лет воспитывавшийся в военной среде. Мой дед начал рядовым и дослужился до чина генерал-майора. Отец был произведен в офицеры по окончании корпуса и вышел в отставку в чине генерала от инфантерии. Духовным основанием нашей семьи всегда были вера и любовь к Богу, любовь и преданность государю. Этот принцип остался во мне на всю жизнь и только укреплялся в течение моей службы и государственной деятельности. Я был и до сего дня остался убежденным монархистом...

Журналист не прерывал собеседника.

– Думаю, что после русской революции и власти большевистского правительства даже в умах нашей беспочвенной интеллигенции, составляющей оппозицию царскому правительству, не осталось сомнения в том, что единственной, отвечающей характеру русского народа формой правления может быть только абсолютная монархия, – продолжал Курлов. – Конечно, вычеркнуть из истории факт русской революции невозможно, и нужны были серьезные изменения в общественном строе, необходимость которых доказали февральские события...

Сделав паузу, Курлов откашлялся и вновь стал рассуждать:

– Более тридцати лет я прослужил трем российским императорам. Знал Россию славную и грозную для ее врагов. Помню время, когда союза с нашей империей искали многие государства, когда этим союзом гордились и когда мощь России считалась верной порукой безопасности дружественным державам. Наши союзники не ошибались: мы помогали друзьям, жертвуя своими лучшими войсками и забывая о своих интересах, чтобы выручить сторонников в трудное для них время. А что вижу теперь? Россию революционную, к которой с пренебрежением стали относиться бывшие приверженцы и для которой у них не нашлось места даже во время мирных переговоров после мировой войны; Россию разоренную, залитую кровью и как бы вычеркнутую из списка не только великих, но и просто цивилизованных государств. Ту, сильную Россию, я хорошо знал – опираюсь на факты и события, участником которых был в силу своего служебного положения. Вторая мне неизвестна...

Кашель прервал монолог Курлова.

– Я пережил русскую революцию, – задыхаясь, все-таки продолжил он. – Отречение от престола государя императора. Сердцем претерпел страдания и мученическую кончину государя и царственной семьи. Перенес заключение в Петропавловской крепости и Выборгской одиночной тюрьме. Вытерпел тяготы следствия от чрезвычайной следственной комиссии под председательством Муравьева, которая вынуждена была по всем попавшим в ее руки документам опровергнуть ложь и наветы на меня. Я пережил переворот большевиков и, когда под их ударом, без суда и следствия, стали падать мои прежние сослуживцы, вынужден был бежать за границу...

– Бежали не вы один, – перебил его собеседник. – Бежали, Павел Григорьевич, все честные люди, которые не восприняли большевистский переворот. Если мы с вами оказались в эмиграции, то должны задаться вопросом: почему Россия ввергнута в такую страшную бездну? Почему мы пришли к столь трагическому финалу? Когда я пытаюсь найти ответ, то спрашиваю себя и о другом: оказались бы мы в таком положении, если бы Столыпин остался у руля правительства? Смог бы он своей твердой рукой поддержать царскую власть и спасти Россию? Вы никогда не задавали себе сей вопрос?

– Да, задавал. Потому и хочу понять, кому же было выгодно убрать с политической сцены Столыпина, избавиться от него? Все последующие премьеры, возглавлявшие наше правительство, на мой взгляд, были люди слабые и даже негодные. Возьмите Коковцова, Горемыкина,

Штюрмера. Да и министры внутренних дел были не лучше. Все они вели империю к пропасти...

– Здесь я с вами соглашусь. Я знал преемников Столыпина... Вы правы, они были калибром мельче его. Мне трудно привести фактические доказательства личной вражды между Столыпиным и его преемником, но она была и заключалась в том, что Столыпин выдвигал на первый план интересы государства, а Коковцов – личные. Самолюбие Коковцова – мелкий чиновничий эгоизм. Его снедала страсть занимать выдающееся положение, но это ему не удавалось ввиду исключительного влияния Столыпина на свой кабинет... Хотя Коковцов всегда утверждал, что он сторонник Столыпина...

– На словах – возможно, –отреагировал Курлов. – А вот я приведу вам пример, свидетельствующий об обратном. Однажды я встретил его в зале заседаний Совета министров, что перед служебным кабинетом Столыпина в его квартире на Фонтанке. Он тогда вернулся из-за границы. Поздоровавшись, Коковцов обратился ко мне с хитрой улыбкой, спросив, как мы здесь поживаем. Не дожидаясь ответа, сам ответил на свой вопрос: «Благодетельствуете мужичков, насаждая хутора». Говорил при этом с большой иронией. Ясно, как относился он к любимому детищу Столыпина – аграрной реформе – и что ожидало эту реформу после смерти Петра Аркадьевича.

– Но одна фраза еще ни о чем не говорит, – возразил журналист.

– Нет, друг мой, бывает, что одна фраза говорит о многом. Впрочем, вот вам и другой случай.

И Курлов рассказал об одном заседании Совета министров, на котором он докладывал о брожении в высших учебных заведениях, о забастовках и сходках, сопровождавшихся иногда насилием. Помня о революции, губернаторы боялись наказывать бунтовщиков. Курлов, занимавший пост товарища (заместителя) министра внутренних дел, предложил обсудить вопрос на заседании Совета. Столыпин, министр внутренних дел, с ним согласился. На заседании Коковцов, по своему обыкновению, произнес длинную речь, которая, как всегда, начиналась с замечания, что он хочет сказать только несколько слов, и заканчивалась после полутора часов заявлением, что, хотя он и не уверен в правильности сказанного, тем не менее просит отметить его соображения в журнале заседаний. Резюмировать речи Коковцова всегда было трудно: в них не было определенных выводов, а были только заключения с «одной стороны» и с «другой стороны». Столыпин, увидев такую картину, приказал Курлову доложить проект циркуляра, составленного согласно с его указаниями. И циркуляр был принят без малейших возражений.

– Выходит, Коковцов был большим чиновником... – заметил журналист.

– Не большим, а консервативным, нерешительным. Выбивали деньги у него, как у министра финансов, всегда с трудом. Военному министру он говорил примерно так: «Когда еще война будет, а теперь денег для армии нет!» Столыпин, естественно, вмешивался в спор, а Коковцову это не нравилось. Как бы он ни убивался в дни страданий и смерти Столыпина, искренности его горя едва ли кто-нибудь поверил: он просто позировал. Я думаю, в душе он был убежден, что наконец-то настало его время заменить несовершенную систему Столыпина своей, казавшейся ему, при его самомнении, более совершенной. Конечно, чудеса в жизни бывают, и, может быть, неожиданно оказалось бы, что система Коковцова нужней для пользы России, но, как вы знаете, такого все же не случилось.

– Следовательно, со смертью Столыпина от его курса отказались...

– Да, конечно, и самое ужасное, по моему мнению, то, что на посту председателя Совета министров у Коковцова никакой системы и не было. Нельзя назвать системой изменчивость взглядов, свойственную капризной женщине. Он мог заявлять в Государственной думе: «Слава богу, что в России нет парламента», а затем в нескончаемых речах заискивать перед народными представителями. Выражением системы служат не слова, а дела, которых за время пребывания Коковцова в высокой должности не оказалось.

Когда Курлов говорил о Коковцове, чувствовалось, что он министра не жаловал и относился к нему враждебно.

– А лучше ли был Горемыкин, сменивший Коковцова? Ведь до этого он уже возглавлял правительство, и его в свое время пришлось менять на Столыпина...

– Разумеется, нет, – согласился Курлов. – В той ситуации нужен был решительный человек, а Горемыкин таким не был. Я глубоко его уважал, хотя и считал, что плодотворному возвращению его в премьеры в смутное время препятствовал преклонный возраст. У меня создалось впечатление, что долгой служебной жизнью он выработал в себе удивительное спокойствие: его нельзя было ничем удивить, тем более взволновать. Он исповедовал принцип, что все в истории повторяется и что сил одного человека недостаточно, чтобы остановить и задержать ее течение. От него нельзя было ожидать энергичных действий, осуществить которые подсказывала ситуация.

И Курлов рассказал почти анекдотичный случай, известный при дворе и правительстве: как сладкий сон старика Горемыкина повлиял на дальнейшую судьбу России.

Первая Государственная дума была распущена Николаем II по настоянию и требованию Горемыкина, который уверял царя, что с такой Думой правительству не сработаться, что Дума будет лишь революционизировать страну. Царь заколебался и соизволил подписать указ о роспуске Думы, передав его Горемыкину.

Вернувшись в Петербург из Царского Села, Горемыкин тотчас послал указ в Сенат для опубликования и спокойно лег спать, приказав домашним не будить его. А ночью поступило срочное распоряжение государя, чтобы указ не публиковали, – видимо, переговорив с приближенными, царь вздумал прежнее решение отменить. Горемыкина не разбудили, и указ был опубликован. Злые языки острили, что мирно развиваться Россия не смогла из-за своего премьера.

– Обратите внимание на корень его фамилии, – сказал Курлов. – Ведь это что-то значило в его роду...

– А как вы относились к назначению Штюмера, которого тоже упрекали в бездеятельности и даже в предательстве?

– Ну какой из Штюмера предатель? – удивился Курлов. – Все это сплошные глупости. Последнего я знал с дней своей молодости, когда он был назначен от правительства председателем Тверской губернской земской управы, а затем занимал ту же должность уже по выборам Тверского земства, как местный помещик. Передовой характер этого земства всем хорошо известен, и, для того чтобы превратиться из навязанного правительственного чиновника в избранного председателя, согласитесь, нужен был недюжинный ум и выдающаяся работоспособность. На посту ярославского губернатора он проявил те же качества.

– Насколько мне известно, его часто упрекали в германофильстве.

– Друг мой, этот германофил, которого называли «немцем», был глубоко религиозным православным человеком. Положение Штюмера оказалось трагическим из-за клеветы, направленной против него в первые же дни войны с Германией. Его немецкая фамилия дала возможность врагам превратить его в мишень для яростных нападок, за которыми скрывались посягательства на царствующую династию. В думских речах его выставляли видным членом германофильской партии, будто бы возглавляемой императрицей, и сторонником сепаратного мира с Германией. Нельзя обвинить Штюмера за его мнение, что война с Германией явилась величайшим несчастьем для России и что она не имела под собой никаких серьезных политических оснований. О сепаратном мире он, конечно, не думал, зная рыцарские взгляды в этом отношении государя. Вам, наверное, известно, что, несмотря на угрозу потери власти, государь с негодованием отверг совет отозвать часть войск с фронта для подавления смуты, чтобы не оголить его германцам.

Собеседник Курлова показал неплохое знание политики:

– Но вы же помните, как Милюков с думской трибуны утверждал, что у него имеются документы, изобличающие Штюрмера в предательстве, которые он предъявит только судебным властям.

– Я хорошо знаю, что эти документы он так и не представил, – ответил Курлов. – Когда после смерти старика премьера, замученного в крепости, его вдова, исполняя предсмертную волю мужа, обратилась к председателю Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства с просьбой вынести дело ее мужа на суд, на что она имела право по русским законам, несмотря на смерть мужа, председатель комиссии ответил ей, что дело Штюрмера прекращено за полным отсутствием против него каких бы то ни было улик.

– Возможно, Штюрмер и не был таким, как о нем думают сегодня. Но мы с вами говорим не о честности его, а о способности управлять правительством такого огромного государства, как Россия, с чем он не справился. Согласитесь, никто не мог заменить монарху Столыпина в тот трудный момент. Мне думается, Столыпин не позволил бы начать войну с германцами, и Россия сохранила бы свою целостность, и, следовательно, не было бы никакой революции.

Курлов с собеседником согласился:

– Вы правы, Столыпин был на голову выше всех, кем пытались его заменить. Но была и другая фигура, о которой мы с вами не упомянули. В момент смерти Столыпина в Киеве находился человек, который мог бы продолжать плодотворную политику покойного на благо государя и родины, по твердости убеждений своих и солидарной совместной с ним работе. Вы не знаете, кто это? Я вам скажу. Это министр земледелия и статс-секретарь Кривошеин. К сожалению, государь остановился на Коковцеве...

Журналист вернулся к вопросу, ради которого пришел к бывшему генералу.

– Выходит, все же были силы, заинтересованные в устранении Столыпина?

– У Столыпина соперника не было, но так как он вел себя чересчур самостоятельно, а порой и вызывающе, он потерял поддержку государя. Всем при дворе было известно, что дни премьерства Столыпина сочтены. Зачем же было устранять его физически? Петр Аркадьевич не раз говорил приближенным и лично мне, что, вполне возможно, осенью останется не у дел и уйдет в отставку. Я хорошо помню его слова...

– Но ведь государь мог и передумать. Так однажды и случилось, когда Столыпин нажимом добился от него поддержки в вопросе введения земства в западных губерниях.

– На сей раз все было иначе, – возразил Курлов. – Прямолинейный и твердый политик уже не был нужен двору. За спиной Столыпина плелись интриги.

– Разве не интриги привели к заговору с целью устранения Столыпина?

– Я же говорю вам, что гибель Столыпина никак не связана с каким-то заговором. Произошла она совершенно случайно...

Журналист решил, что продолжать спор нет смысла и лучше отложить разговор на следующую встречу, на которую надеялся. Покидая холодную квартиру, он дал совет:

– Знаете, Павел Григорьевич, вам просто необходимо записать свои воспоминания. Вам есть что рассказать читателю. Кстати, такие мемуары нужны и нашей истории.

Курлов усмехнулся:

– У каждого свое ремесло. Я считаю, что надо заниматься своим делом и не лезть в чужое. Какой из меня мемуарист? Помните, что писал батюшка Крылов о сапожниках и пирожниках? Тачать сапоги отнюдь не моя профессия!

– Нет-нет, вы не правы. В таких мемуарах главное не красота и изящество слога, а правда мысли. Если вы пожелаете, я помогу вам. Соглашайтесь! Одна эпоха сменяет другую, а воспоминания современников, повествующих о них, остаются навсегда.

– Я подумаю над вашим предложением, – неожиданно пообещал Курлов. – Вы мне подали неплохую идею.

Они попросились, решив встретиться еще раз. Несомненно, каждый из них сделал для себя какие-то выводы.

«Старик хитер. Он, конечно, знает многое, но прячет свою тайну в последнем ящике комода», – подумал, уходя, журналист.

«С этим писакой надо держать ухо востро, – решил старый генерал, – иначе не оберешься хлопот. Вряд ли он сказал правду, зачем приходил. Вынюхивал, втирался в доверие. Знал я таких – лезет в душу, чтобы выпытать что-нибудь, а потом опубликовать в какой-нибудь паршивой газетенке. Сегодня все эти писаки голодны, а ведь было время, когда они вели себя заносчиво!»

И, закрывая дверь, Курлов злобно сплюнул.

Дальнейший ход событий можно лишь предположить.

Журналист по памяти записал состоявшийся разговор, зафиксировал его, как стенографист, сокращая слова и не ставя знаки препинания. Бережно сложил исписанные листки в серую тетрадь, завязал тесемки папки.

В дальнейшем в тетрадь была вложена запись второй беседы. Здесь сокращений уже было меньше, и потому текст расшифровывался намного легче.

Журналист, который так и останется для нас безымянным, оставил и свой вопросник, по которому готовился к предстоящему разговору, – вопросы были поставлены в той очередности, в какой он намеревался задавать их своему собеседнику. Судя по материалам, собранным в папке, ясно, что ему хотелось подтвердить версию: заговор против Столыпина все же существовал, и российского премьер-министра убили не столько из-за халатности лиц, призванных его охранять, сколько потому, что эти лица каким-то образом, прямо или косвенно, участвовали в заговоре.

Кроме серой тетради в старой папке оказались чьи-то частные письма. Может быть, написаны они были людьми, все же имевшими какое-то отношение к выдвинутой им версии. Иначе, наверное, письма не оказались бы рядом с высказываниями Курлова.

Папка с серой тетрадью эмигранта путешествовала по Европе – была в Германии, потом побывала вместе со своим хозяином в Чехословакии и Франции, а затем снова вернулась в Германию. В Россию она перекочевала в конце Второй мировой войны. Ее обнаружили в одном семействе, хранившем трофейные ценности, вывезенные в сорок пятом году. Откуда она взялась, как попала в семью бывшего командира полка Советской армии, владельцы объяснить не смогли – самого полковника в живых уже не было. Заинтересовавшись записями и именами на листах пожелтевшей бумаги, хозяева передали папку знакомому – преподавателю истории, а тот предложил их какому-то архиву, где от них отказались. Так тетрадь попала к моему коллеге – журналисту. В начале восьмидесятых годов тот передал ее мне.

– Когда доведется писать о стольпинской эпохе – вспомнишь мой дар, – пошутил он.

В советское время о Столыпине упоминать в печати было не принято. Петр Аркадьевич считался реакционером, потомки революционеров его не любили. Я понимал друга – не было смысла хранить в домашнем архиве записи, которые никогда не пригодятся. Он просто от них избавился.

Никто не знает, сколько документов и свидетельств было утеряно и выброшено на помойки как ненужное прошлое! И я благодарен судьбе, что эти бумаги не оказались на свалке и спустя десятилетие помогли в написании этой книги.

О второй записи, упоминающей о заговоре против П.А. Столыпина, я расскажу после. Сейчас – о первой. В книге бывшего жандарма П.Г. Курлова, изданной эмигрантами в Берлине в начале двадцатых годов, несколько абзацев оказались ей идентичны. Можно предположить, что неизвестный нам автор помогал бывшему генералу писать воспоминания или – что тоже не исключено – каким-то образом пользовался его записями.

Из письма штабс-капитана А.Н. Самсонова:

«Страшно и жутко, что его превосходительство генерал Курлов опускается все ниже и ниже. За последние три месяца он задолжал в местной лавке. Говорят, что у него нет денег на прачку, он стирает белье сам и при этом бережет последний кусок мыла. Знакомых он избегает. На улице не показывается, а если и показывается, то только поздно вечером, когда немцы закроются в своих домах...»

Дела давно минувших дней...

Упомянутый выше разговор невольно навел на воспоминания, ведь собеседники затронули не только какой-то отрезок прожитой ими жизни, но и историю государства, которое вынуждены были навсегда покинуть. У каждого остались свои памятные моменты.

Вспомним и мы некоторые эпизоды истории российской, потому что без них не понять многие последующие события.

В записях неизвестного журналиста автор нашел знаменитую пушкинскую фразу, которую тот подчеркнул: «Дела давно минувших дней...»

Какие же были дела?

Говорят, история империи пошла вкривь и вкось после того, как Россия ввязалась в войну с Японией. Потом последовали первая русская революция, затем наступили годы реакции, обострившие отношения власти и некоторых слоев общества. Позже грянул новый кризис – Первая мировая война, и вновь обострились отношения внутри государства. А там уж возникла революционная ситуация, с которой самодержавию справиться не удалось.

Вернемся к началу века.

В те годы настроение было радужным и у власти, и у чиновников, и у народа. Наступившее столетие казалось веком благоденствия и радости. Каждый оценивал его по-своему. По-своему оценивали и правители России, не предполагавшие, что один просчет повлечет за собой множество остальных. Пожав бурю, они будут после говорить о фатальности, о случайных совпадениях, приведших к краху власти, будут приводить и другие доводы, которыми, на их взгляд, объясняются происшедшие явления.

У молодого императора в начале века были столь же блистательные планы, сколь и у его окружения. Он у власти, хотя поговаривали, что вдовствующая императрица Мария Федоровна после смерти мужа – императора Александра III – хотела посадить на престол не Николая, а своего любимого сына Михаила. Почему же этого не случилось?

Вот фраза – ключ к той разгадке династии. Известный министр Сергей Юльевич Витте, которого уважали император Александр III и вся его семья, и, конечно, венценосная Мария Федоровна, спрашивал позже у вдовствующей императрицы в доверительной беседе:

– Вы хотите сказать, что государь не имеет характера императора?

– Да, – отвечала Мария Федоровна, – это верно. Но ведь в случае чего его должен заменить Миша, а он имеет еще меньше воли и характера.

Александр III умер в зрелом возрасте, ему еще не было пятидесяти. О смене власти даже не мыслили. Но император смертельно заболел, и неминуемо встал вопрос о престолонаследии.

Невесту молодого наследника срочно доставили в Россию. Она застала императора Александра III еще в живых, уже зная, что дни его сочтены, что страной будет править ее Николай, а она в скором времени станет императрицей российской.

Кто же она, супруга последнего российского императора? Алиса Гессенская, четвертый ребенок великого герцога Людвиг Гессенского и Алисы Английской, младшей дочери королевы Виктории, родилась 6 июня 1872 года в Дармштадте. Рано потеряв мать, она большую часть своего воспитания получила при английском дворе, где стала любимой внучкой королевы. В семнадцатилетнем возрасте молодая принцесса долго гостила в России у своей сестры Елизаветы, вышедшей замуж за великого князя Сергея Александровича, брата императора Александра III, танцевала на балах, бывала на приемах, имела успех. Так и не получив предложения, вернулась в Дармштадт.

Кто ждет своей удачи, тот обязательно ее дождется.

Пять лет спустя, когда ей было сделано официальное предложение, она, после некоторого колебания, его приняла. Говорили, что молодую принцессу волновала необходимость пере-

мены религии. Ее смущения рассеял священник, посланный в Дармштадт, чтобы ознакомить Алису с началами православной веры. Обручение состоялось в Дармштадте летом 1894 года. Жених и невеста провели некоторое время при английском дворе, и цесаревич вернулся в Россию.

А потом молодая принцесса была вынуждена спешить в Ливадию, в Крым, где умирал российский император. Гроб его везли в Петербург через всю Россию. Семья и родные сопровождали останки правителя, рано ушедшего из жизни.

Из серой тетради:

«Когда везли умершего императора, простолюдинки говорили, что принцесса, сопровождающая гроб, несет с собой несчастье».

На перрон Николаевского вокзала траурный поезд прибыл в ноябре. День был хмурый, осенний, скорбный. Казалось, столица, да и сама природа скорбят по такому случаю.

Императора похоронили в Петропавловском соборе, в стране на целый год был объявлен траур. Но свадьбу Николая II решили сыграть через неделю. А пока они жили врозь: он вместе с матерью в Аничковом дворце, молодая принцесса – у своей сестры Эллы, во дворце великого князя Сергея Александровича.

Венчание состоялось. С некоторой иронией Аликс, как стал звать свою супругу Николай II, сказала позже своей придворной фрейлине:

– Моя свадьба была продолжением похорон, только меня одели в белое.

Почему же так торопились? Оказалось, наступал длительный пост, а это означало, что свадьбу пришлось бы отложить.

И вот русские люди увидели новую императрицу – молодую, красивую, холеную, истинную представительницу знатного германского рода. Такую было не стыдно принимать в свой круг, тем более что была она королевских кровей.

На венчании молодая императрица появилась в серебряном платье. На ней было бриллиантовое ожерелье, золотая парчовая мантия, украшенная горностаем, длинным шлейфом тянулась за нею. Она была застенчива. Впрочем, отмечали свидетели, и царь был застенчив и мил.

От нового правителя всегда ждут необыкновенного. Ждали и от Николая II. Верный слуга и советник К.П. Победоносцев, доставшийся ему от отца, решил, что новый государь обязан произнести по этому поводу речь и сообщить подданным, каким будет его правление. Речь написал сам Победоносцев – крайний реакционер, обер-прокурор Синода, член Государственного совета, имевший большое влияние и на Александра III, и на Николая II. Речь была тяжела. Вот одна ее фраза, тяжелая, консервативная, перечеркивающая все надежды либералов: «В последнее время в некоторых земских собраниях слышались голоса людей, увлеченных бессмысленными мечтаниями...»

В этот миг у старика, представлявшего тверское дворянство, неожиданно выпало из рук золотое блюдо с хлебом-солью, которое он должен был по обычаю вручить новому государю.

Блюдо покатилося со звоном. Хлеб упал на пол, соль рассыпалась.

«Не к добру», – подумали присутствовавшие в Аничковом дворце приглашенные представители городов и земств.

Инстинктивно вежливый государь попытался помочь старику и поднять блюдо. Всех это смутило – не должен государь поднимать вещь с пола, не должен брать сам в руки блюдо, которое ему подносится.

«Не к добру», – подумали присутствовавшие.

За блюдом бросился старый Воронцов-Дашков, министр двора, но кто-то из окружения уже поймал звенящий поднос и передал министру, а тот – тверскому дворянину, чтобы вручил, как положено, и больше не ротозейничал.

Да, примета была плохая. Кто верил в приметы, поверил и в нее. А предвещала она печальное царствование: хотели задобрить судьбу, а вышло все как раз наоборот.

Из воспоминаний графа В.Н. Ламздорфа, директора канцелярии Министерства иностранных дел:

«В городе начинают сильно нападать на позавчерашнюю речь императора, которая произвела самое тягостное впечатление... И молодую императрицу также упрекают, что она держалась, будто аршин проглотила, и не кланялась депутациям».

А потом императорский поезд прибыл в Москву. Предстояло венчаться на царство в древнем Успенском соборе в Белокаменной – как все русские государи. Отступить от традиции было нельзя.

Москва встретила новоиспеченного императора скверно: шел дождь, дул ветер, пронизывала не по-майски холодная погода.

Казалось, злой рок преследовал молодых. В Москве на Ходынском поле в честь коронации должны были раздаваться подарки – кружечки с гербами, и, конечно, бесплатно. Народу собралось много. Со всех сторон крестьяне и мещане поспешили на место будущей раздачи подарков. Местные власти такого скопления народа не предвидели, меры к безопасности не приняли, и, когда стали раздавать подарки, все смешалось в кровавую кучу – одни давили других. Жертв был много – мужчин, женщин, детей.

На рассвете трупы увезли. Когда приглашенные съехались на празднества по случаю коронации, все было тщательно убрано, все сверкало – и хозяева, и гости остались довольны.

Николаю доложили о происшествии, он расстроился, но совсем не расстроенным выглядел великий князь Сергей Александрович, который отвечал за торжества.

В народе после Ходынки предрекали: коли началось царствование с крови, кровью и закончится. Так и вышло.

Одна лишь императрица-мать возмутилась трагедией, случившейся в Москве на Ходынском поле. Она потребовала расследования. Ее нисколько не смущало, что расследование могло обвинить великого князя Сергея Александровича – брата ее мужа. Если виноват, пусть ответит. Она считала, что страх должен лежать в основе державности, а не попустительство, которое сведет власть к пародии и этим державность уничтожит.

Какая подноготная скрывалась за этим желанием? Разобраться по существу? Восстановить справедливость? Сохранить силу закона и порядка? Или – желание обуздать новую императрицу, которая имела поддержку в великом князе, муже ее родной сестры?

Вот тогда и подала впервые голос против Марии Федоровны милая Аликс, не отдавшая на растерзание мужа сестры. И трупы Ходынки были забыты. Бал не отменен, траур не объявлен. Словом, ничего существенного в Первопрестольной не случилось.

Комиссию, правда, назначили, поручив вести дело графу К.И. Палену – бывшему министру юстиции, а теперь уважаемому члену Государственного совета. Но тут воспротивились дяди царя – Владимир и Павел, заявившие, что если великий князь Сергей Александрович пострадает, то они навсегда покинут двор. Подобный шаг был неслыханным ультиматумом, и понятно, что за таким смелым демаршем кто-то стоял. Вскоре выяснилось, что за великим князем стояла его родственница, молодая императрица.

Доклад графа Палена был положен в архив.

Вся эта история рассказывается неслучайно – при дворе сложились разные группировки, исповедовавшие разные взгляды на жизнь, преследующие разные интересы. Они и решали

судьбу империи. В самом начале правления Николая II они попробовали решить свои личные интересы, которые, как оказалось, простирались на далекий Восток.

В 1904 году началась первая Русско-японская война, первая война в годы царствования Николая II.

Почему вдруг? Кому она была нужна? Заинтересована ли была в ней империя?

Знаменитый министр граф Витте пробовал было ответить на эти вопросы, но так и не ответил, хотя знал многие тайны двора. Наверное, не все вещи еще можно было называть своими именами.

Постараемся назвать их мы.

Витте не скрывал, что был против войны. На этой же позиции стояла и вдовствующая императрица, следовавшая советам мужа: все спорные вопросы решать мирным путем, войны во что бы то ни стало избегать.

Но на молодого государя давила другая сторона, она требовала решительных действий, утверждала, что такая маленькая Япония не смеет сопротивляться экспансии России в Маньчжурию. Николай как будто бы согласился на предложения матери и графа и сказал Витте:

– Подготовьте ваш доклад.

Витте доклад подготовил.

Первое, что предлагал министр, – провести переговоры с Японией. На переговорах он намеревался утрясти спорные вопросы и избежать военных столкновений.

Доклад бесследно исчез в архиве. Не мог же он сам по себе исчезнуть – кто-то его похоронил. При дворе были силы, мечтающие поставить маленькую Японию на место – сиди, мол, тихо!

Заранее обработали государя – с Японией справимся быстро, армия у нас там большая, флот надежный. Пока большая Россия играла мускулами, маленькая Япония решила нанести неожиданный удар, и в первую очередь по русскому флоту.

26 января, вернувшись после театра в хорошем расположении духа, Николай II получил от Е.И. Алексеева, адмирала, генерал-адъютанта, заместителя на Дальнем Востоке, телеграмму: ночью без какого-либо предупреждения японцы произвели атаку на наши стоящие на рейде корабли, причинив им большой урон.

Николай II возмущился. В своем дневнике, который вел всю жизнь, царь написал: «Это без объявления войны?! Да будет Бог нам в помощь!»

На другой день он сделал уже спокойную запись: «Утром пришла телеграмма о бомбардировке Порт-Артура. Всюду проявления единодушного подъема духа». Он был уверен, что японцы воевать не умеют, что сил у них не хватит. А уверенность шла от споров русских генералов, которые рассуждали: сколько японских солдат нужно на одного русского – два или три?

Потом уверенность пропала, подкрались сомнения. Русская армия и флот терпели поражения.

Журналиста, собеседника генерала Курлова, имевшего при дворе хорошие связи, интересовало:

– Кто именно хотел воевать с Японией и почему?

Курлов ответа не знал.

А ведь в ответе на этот вопрос и кроется разгадка: кто же при царском дворе был заинтересован в падении молодого императора? Не просто ведь толкали его на войну, не просто хотели увидеть его поражение? Может, ответив на этот вопрос, мы смогли бы подобраться и к другому ответу: кому было выгодно привезти в столицу на должность министра внутренних дел нашего героя? Этим людям или их противникам понадобилась твердая рука Столыпина и его честность?

Впрочем, вначале постараемся все же ответить на главный вопрос: кто жаждал войны с Японией?

Воевать всегда хотят те, кто получает от войны барыши. Открыто, как правило, они об этом не говорят – их не поймут. Потому говорят они всегда об интересах Отечества и родного народа, не раскрывая своих истинных замыслов.

В пору ходынской катастрофы в Москве был подписан договор с Японией, который русское правительство посчитало весьма удачным. По этому договору Россия и Япония разделили между собой влияние на Корею, причем, как отмечал граф Витте позже, доминирующее влияние было на стороне России. Казалось, страсти улеглись, надо бы мирно сосуществовать и делать свое дело. Но...

Владимир Николаевич Коковцов, который был товарищем министра финансов у Витте, получил после его повышения должность министра. В первые же дни после его назначения к новому министру приехал адмирал Абаза – человек, весьма приближенный к государю.

– У меня повеление государя поговорить с вами о ликвидации лесопромышленного предприятия на реке Ялу, – сразу раскрыл он цель своего визита.

Коковцов не знал никаких подробностей об этом объекте – кому он принадлежит, кто в нем участвует, чьи деньги вложены в дело.

Абаза сумбурно объяснил, что при несомненной победе над Японией нельзя расстраивать это предприятие и потому надо свернуть его работу временно, а затем, после победы, вывезти его вглубь Сибири и окупить, пока средствами казны, те затраты, которые частные лица вложили в предприятие, следуя желаниям государя.

– Я ничего не понимаю из вашего объяснения, – ответил Коковцов. – Кто эти частные лица и сколько денег из казны на это потребуется?

– Мы подсчитаем, но, вероятно, на это уйдет несколько тысяч рублей, – ответил Абаза, – потом все вернется из огромных прибылей этой продуманной акции.

– Хорошо, я попробую разобраться, – ответил новоиспеченный министр финансов.

Все его попытки понять, в чем тут дело, окончились безрезультатно. В Департаменте казначейства не было никаких следов. Начальник бухгалтерского отделения Дементьев заявил, что на организацию промышленного предприятия было лишь предложение выдать некую сумму из 10-миллионного фонда, но потом от этой мысли отказались. В Государственном банке министру пояснили, что имеется распоряжение управляющего министерством Романова со ссылкой на высочайшее повеление о выдаче ссуды в 200 000 рублей статс-секретарю Безобразову на «известное его величеству назначение». Потом это распоряжение отменили, потому что выдача была произведена из особого фонда Кредитной канцелярии, из прибылей иностранного отделения.

Но и там следов не осталось.

Когда хотят обхитрить, всегда заматают следы.

И разочарованный в поисках истины Коковцов обратился к бывшему министру Витте, чтобы понять, как же были выделены деньги на это предприятие, о котором так хлопотал Абаза.

Тот и внес ясность.

– Вы знаете, Владимир Николаевич, как я боролся против этого дела, как убеждал государя не допускать этой авантюры, потому что наша политика в Корее, занятие Порт-Артура с постройкой южной железнодорожной ветки Китайско-Восточной железной дороги и сама концессия на Ялу стали причиной войны с Японией. Вам советую отказаться от этого дела и под каким-либо предлогом найти способ передать его в другое министерство. Деньги все равно придется заплатить, но лучше пусть это делает кто-то другой, а не вы.

Витте припомнил, как в бытность министром финансов он спорил с министром иностранных дел Муравьевым по вопросу занятия Порт-Артура и как против него выступал Куропаткин. Поддерживал его только Тыртов. Тогда как и сам государь выступал против Витте и морского министра.

– Я понял вас, – сказал Коковцов своему бывшему начальнику. – Хорошо, что вы меня предупредили.

Но на этом история не закончилась.

В тот же вечер министра посетил бывший его лицейский товарищ В.М. Вонлярлярский.

– Что ты делаешь, Володя? – недоумевал он. – Ты же отбираешь у нас деньги!

– Ты тоже?

– Да, и я. И Абаза, и государь, что самое главное, и статс-секретарь А.М. Безобразов, бывший мой однополчанин по кавалергардскому полку, все мы в том деле. С последним я тебе советую познакомиться поближе. Это энергичный человек, и знакомство будет тебе не столько приятным, сколько полезным.

И Коковцов узнал если не подробности финансовой операции, то саму ее суть. Государь, великий князь Александр Михайлович и граф Алексей Павлович Игнатьев вошли в это выгодное, на их взгляд, дело, рассчитывая получать прибыли, но сколько каждый из них вложил, Вонлярлярский не сказал. Но какое это имело значение, главное состояло в том, что окружение государя втянуло его в сомнительное финансовое дело и теперь он смотрел на отношения с Японией на Дальнем Востоке совсем в ином разрезе.

Коковцов последовал совету Витте. Когда ему представилась возможность побывать с докладом у Николая II, он попросил государя передать финансирование дела на Ялу в другое ведомство.

Государь охотно принял предложение.

– Это очень хороший исход, – шутливо заметил он, – так как теперь никто не будет жаловаться на вашу скупость. Да и вы сможете легко критиковать чужую работу, нежели сами будете и расходчиком, и казначеем.

На другой день от государя поступила записка: дело передать графу Игнатьеву.

А теперь о войне с Японией. Начата она была в невыгодное, конечно, для России время – Амур замерз и не мог служить для перевозки грузов и войск, а пропускная способность только что построенной железной дороги была небольшая. Хотя дорогу сдали в эксплуатацию, недоделки остались и она едва пропускала четыре пары поездов. Как сообщало Министерство путей сообщения, для ликвидации «недоделов» необходимо было пустить еще немалое количество вагонов и поездов.

Война вызвала народное недовольство, недовольство вызвало революцию. А началась первая русская революция с Кровавого воскресенья.

За несколько дней до этого воскресенья произошел непонятный случай.

На Дворцовой площади было подготовлено место для крещенского водосвятия. Освящал митрополит. Присутствовал государь. Как и положено, по традиции с противоположной стороны Невы ударила пушка Петропавловской крепости. Стреляла она холостым зарядом, и потому особого внимания к ее выстрелу обычно не было – ну бабахнуло орудие, ну раздался гром. На сей раз вышло все иначе. Выстрел был боевым. Снаряд не попал в государя чудом. Полиция произвела расследование и сделала вывод: произошла случайность. Дело, понятно, замяли.

На государя выстрел подействовал, хотя он и виду не подал, решил уехать в Царское Село.

На 9 января было назначено шествие рабочих, которых вел священнослужитель Гапон, ставший активным, не без помощи, как оказалось, полиции, социалистом. Он призывал рабочий люд просить царя проявить благодушие и пойти навстречу трудящимся. Рабочие шли жаловаться на кровопийц-фабрикантов, просили сделать их жизнь лучше и светлее. Гапон, сотрудничавший с полицией, всегда с ней считавшийся, на сей раз вел себя нетерпимо. Ему не нравилось, что охранники пытались поставить, как они говорили, его на место. Он нашел себе место сам – в первом ряду манифестантов, о чем и предупредил своих бывших друзей.

В охранке разозлились, что он им угрожает. Власти меры не приняли, навстречу рабочим не пошли.

Солдатам выдали боевые патроны. Кто-то умело планировал событие – сначала подталкивал Гапона к шествию, потом готовился это шествие остановить. Возможно, этот кто-то, преследуя свои цели, пытался запугать государя. Вот и выстрел прозвучал, вот и народ к нему хочет пройти. А если случится что-то нехорошее? Ведь всем было известно, что не раз революционеры покушались на императора Александра III – отца Николая – и умер он оттого, что во время крушения поезда у него пострадали почки. Они-то и свели его в могилу.

Говорили, государь не знал о петиции. А если так, то, выходит, все разыгрывалось без его участия. Темные силы, стоявшие за спиной Николая II, ловко выстроили одно событие за другим, чтобы дискредитировать имя правителя.

Хитрая игра велась без ведома государя императора.

Из записей в серой тетради:

«События Кровавого воскресенья умело организовала партия войны. Может, у нее была и своя цель: война, революция – Николаю II надо отказаться от престола. На трон они хотели ввести свою фигуру, более податливую...»

Чем не реальная версия? Очень правдоподобно, если вникать во все детали истории, которые почему-то были обойдены нашими историками.

Тысячи людей шли на Дворцовую площадь. Они несли портреты царя, в толпе было много детей. На подступах к площади мирное шествие поджидали войска. Собравшимся приказали немедленно разойтись. Попробуйте в короткое время уговорить отчаявшуюся толпу отправиться по домам. Тем более что Гапон говорил: царь ждет, ему надо сказать все, что накопело, и тогда он наверняка откликнется на просьбы трудящихся.

Рабочие смело вступили на площадь. Никто не верил, что солдаты станут стрелять.

Раздались первые залпы, упали первые убитые. Потом еще и еще...

На снегу остались трупы мужчин, детей, женщин. На снегу валялись брошенные портреты царя – в них были дырки от пуль.

Известие о трагедии мигом разнеслось по всему городу. Все видели, как на санях развозили трупы, связанные веревками, чтобы они не рассыпались. Трупов было много. Некоторые источники утверждали, что убитых было свыше двухсот, другие – что значительно больше, тысячи. Может, их было меньше, но дело не в количестве, а в самом факте – по приказу царя стреляли в мирное шествие!

Проклятие царю пронеслось по столице, а потом и по всей империи.

Так в народе появилась приставка к имени царя: «Николай Кровавый».

Вполне возможно, что царя «подставили» те, кто намеревался от него избавиться. Версия, которая никогда не рассматривалась советскими историками, во внимание ими серьезно не принималась.

Когда государю доложили о случившемся, приближенные предложили ему свалить всю вину на армию, ведь команды стрелять он не давал. Позорить свою армию, форму которой носил сам, Николай II отказался. А может, последовал другому совету: нельзя настраивать против себя армию, в трудную минуту можно остаться без ее помощи.

А потом при дворе решили показать, что Николай II вовсе не кровавый и не грозный, а всего лишь добрый царь-бабушка, которого можно и нужно любить. Во дворце устроили ему встречу с рабочими – сидя за одним столом с гостями, он пил с ними чай, ел сушки и мирно беседовал. То, что рабочую депутацию организовывала полиция, в народе не знали. Не все тайны внутренней политики должны быть известны народу.

В ответ на верноподданнические заверения рабочих царь обещал исполнить их желания и во всем разобраться. О жертвах он сожалел.

После Кровавого воскресенья вынужден был покинуть свой пост министр внутренних дел князь Святополк-Мирский. Странная вышла история: человек, миролюбиво ко всему настроенный, вынужден был покинуть свой пост из-за излишней жестокости.

Реакция наступает. Окружение царя требует принятия жестких мер.

Генерал Д.Ф. Трепов, в высших и военных кругах известный как реакционер, становится столичным генерал-губернатором. Жесткая партия получает бразды правления в столице.

По династии наносится еще один чувствительный удар – в Москве социал-революционер Каляев бросил бомбу в великого князя Сергея Александровича. Взрыв был такой силы, что московского диктатора разорвало в клочья: полицейские, прибывшие на место трагедии, нашли лишь руку, часть ноги да окровавленное туловище.

Из дневника Николая II:

«Ужасное злодеяние случилось в Москве: у Никольских ворот дядя Сергей, ехавший в карете, был убит брошенной бомбой, и кучер смертельно ранен... Несчастливая Элла! Благослови и помоги ей, Господи!»

Несчастливая Элла ползала среди останков мужа, пыталась собрать их в единое целое.

Революция разрасталась, охватывая всю империю. Кровавое воскресенье подняло бурю, которая долго не утихала.

В свой дневник Константин Романов так же, как его царствующий родственник, записывает печальные строки: «Просто не верится, какими быстрыми шагами мы идем навстречу неведомым, неизвестным бедствиям. Всюду разнузданность, все сбиты с толку... Сильной руки правительства уже не чувствуют. Да ее и нет».

Он, как и государь, еще не знает, что впереди самодержавие ждут новые испытания – всеобщие стачки, восстания, баррикады в Москве, на Пресне, которые будут сложены из опрокинутых трамваев, мебели; мятежи в армии и еще много разных бед, которые заставят задуматься: а не покинуть ли Россию? И государь поручит прислуге собирать чемоданы...

Отрезанная забастовками от остальной части государства, царская семья томилась в Петергофе, ожидая худшего. Николай II все думал, где же ему разместить домочадцев, где его примут. Он постоянно думал о пристанище.

На выручку пришел Сергей Юльевич Витте, к которому благоволила вдовствующая императрица. Она просила сына прислушиваться к его советам, как когда-то это делал ее супруг, отец царствующего государя.

Витте произнес фразу, полную глубокого смысла:

– Надо уметь отступать.

Он предлагал спасти положение, даровав народу конституцию.

– Только тогда народ успокоится, – заверил граф.

В той ситуации, в которой находилась империя, государь был готов на все: на конституцию, обещания и мирные договоры. Он чувствовал, что самое главное для династии – получить передышку. Передышка давала возможность прийти в себя, набраться сил.

Императрица Мария Федоровна поддержала предложение Витте, поддержали его и некоторые члены царствующего дома. 17 октября царь подписал Манифест о Конституции. В тот день он завтракал с Николашей и Станой – так он называл великого князя Николая Николаевича и великую княгиню Анастасию – все ждал, когда приедет с текстом документа Витте. Голова его была тяжела, мысли путались. В дневнике царь записал: «Господи, помоги мне, спаси и умери Россию». Манифест был подписан...

Возвращаясь из Петергофа в Петербург на пароходе, великий князь Николай Николаевич обнял Витте:

– Вы спасли империю!

Было два пути выхода из кризиса: диктатура или конституция. И Николай II колебался, какой сделать выбор, на что решиться. Он выбрал конституцию, потому что ему обещали, что на этом все успокоится, что пожар будет потушен, ибо он дарует народу свободу, а его представителям – часть своей власти. За конституцию была и его мать. Она предлагала согласиться с проектом Витте, которому, кстати, помогал Алексей Оболенский, полагая, что после объявления Манифеста все войдет в прежнее русло.

О тех мучительных днях, когда приходилось принимать решение, государь подробно сообщил в письме к матери.

Из письма Николая II:

«Наступили тихие грозные дни. Чувство было, как бывает летом перед сильной грозой. Нервы у всех были натянуты до невозможности. И конечно, такое положение не могло продолжаться долго. В течение этих ужасных дней я виделся с Витте постоянно. Наши разговоры начинались утром и кончались вечером при полной темноте. Представлялось избрать один из двух путей – назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться подавить крамолу. И другой путь – предоставление гражданских прав населению, свобода слова, печати, собраний, союзов и т. д. Кроме того, обязательство проводить законопроекты через Государственную думу. Это, в сущности, и есть конституция. Витте горячо отстаивал этот путь. И все, к кому я обращался, отвечали мне так, как и Витте. Манифест был составлен им и Алексеем Оболенским. Мы обсуждали его два дня, и наконец, помолившись, я его подписал... Милая мама, сколько я перемучился, ты представить себе не можешь. Единственное утешение, что такова воля Божия и что это тяжелое решение выведет дорогую Россию из того невыносимого, хаотического состояния, в котором она находится почти что год...»

Казалось, инцидент исчерпан – конституция дана. Но в ноябре поднялись на баррикады московские рабочие. Запылало вооруженное восстание в Москве.

И тогда царь обиделся на Витте – обещал облегчение, но слова своего не сдержал. Он считал, что творец конституции во всем виноват, а не завистники, которые стали за спиной Витте нашептывать государю всякие сплетни.

И Николай строчит маме очередное письмо:

«Я никогда не видел такого хамелеона – человека, меняющего свои убеждения, как он. Благодаря этому свойству характера почти никто больше ему не верит».

Гигант Витте сходил со сцены. Сходил человек, который так много сделал для трона – добился мира с Японией на хороших условиях, придумал трюк с конституцией, привел в порядок финансовое состояние империи, сделал стабильным рубль. Противники удаляли от государя его верного и умного слугу, не предлагая взамен другого.

Правительство доверили дряхлеющему Горемыкину, неинициативному, чересчур спокойному и несколько ленивому. Было ясно, что назначать некого, а назначив Горемыкина, лишь сделали паузу. Для тех, кто пытался навязать царю в правительство своих людей, это была передышка.

Петр Аркадьевич Столыпин в список кандидатов попал вроде случайно. Могли предложить государю и другую кандидатуру, но говорят, что именно эту предложил барон В.Б. Фредерикс, генерал-адъютант, человек, имеющий влияние на царскую фамилию и окружение.

– А что представляет из себя этот ваш Столыпин? – поинтересовался государь, когда ему назвали имя саратовского губернатора.

– Главное, ваше величество, что молод и умен. Энергичен и тверд. Вы, наверное, знаете, что происходит он из знатного рода. Ко всем этим характеристикам я бы добавил еще одну, весьма существенную. Он умирал губернию без лишней крови. Я не знаю, докладывали вам или нет, как он вошел в гушу смутьянов и, презирая опасность и револьвер, на него наведенный, сказал одному смутьяну, державшему оружие: «Подержи-ка мою шинель!» И обуздал толпу, – расписывал барон В.Б. Фредерикс, министр императорского двора.

Эпизод государю понравился. Он пересказал его вечером Аликс.

Александра Федоровна заметила:

– А тебе говорят, что нет хороших кандидатур на должность министров. Разве Столыпин не подойдет на должность министра внутренних дел?

– Я об этом уже подумал, – сказал смущенно Николай II.

Утром он приказал Горемыкину срочно вызвать Столыпина из Саратова. Председатель правительства лишних вопросов не задавал, мало ли кого хочет видеть государь, и значения тому серьезного не придавал. Не предполагал для себя последствий.

Телеграмма с вызовом срочно ушла в Саратов.

Откуда взялся этот Столыпин?

Из газеты «Новое время», 6 сентября 1911 года:

«Когда в 1906 году Совет министров во главе с графом С.Ю. Витте вышел в отставку и новый Совет министров было поручено сформировать И.Л. Горемыкину, П.А. Столыпину предложили пост министра внутренних дел. С этого момента – 26 апреля 1906 г. – П.А. Столыпин являлся до дня своей кончины деятельным руководителем министерства...»

В смутное время волнений, забастовок, террористических актов при дворе говорили:

– Нужна сильная рука!

Так же думал и Николай II, который внимательно рассматривал и оценивал кандидатуры. Сильной руки рядом не было. Странно, думал государь, столько вокруг лиц, а назначить некого. Требовался инициативный, решительный и смелый высший чин, на которого можно было бы опереться, поручив важные дела.

На память пришли слова генерал-адъютанта, министра внутренних дел князя П.Д. Святополка-Мирского о саратовском губернаторе Столыпине: «Молод, умен, решителен. Какие еще нужны качества, чтобы верно служить государю?»

К Столыпину царь решил присмотреться. Для начала освежил свою память аттестацией из собственной канцелярии, которая сообщила главное: Петр Аркадьевич Столыпин – сын севастопольского героя генерал-адъютанта Столыпина от брака с княжной Горчаковой – родился в 1862 году, детство провел в имении Средниково под Москвой; по окончании курса в Санкт-Петербургском университете в 1884 году начал свою служебную деятельность в Министерстве внутренних дел, через два года был причислен к департаменту земледелия и сельской промышленности Министерства земледелия и государственных имуществ, в котором последовательно занимал различные должности и особенно интересовался сельскохозяйственным делом и землеустройством. Затем перешел на службу в Министерство внутренних дел ковенским уездным предводителем дворянства и председателем ковенского съезда мировых посредников. В 1899 году был назначен ковенским губернским предводителем дворянства. В это же время он избран почетным мировым судьей по Инсарскому и Ковенскому судебным округам. В 1902 году П.А. Столыпину было поручено исправление должности гродненского губернатора, через год он был назначен губернатором саратовским.

– Каково положение в Саратовской губернии? – поинтересовался государь.

– Непокойное, хуже, чем в других, но Столыпин с губернией справляется, – был ответ.

– Молодец, – похвалил царь.

Когда Столыпина перевели из Саратова в Санкт-Петербург, в столицу, многие удивились: почему именно его? за какие заслуги? «Откуда взялся этот Столыпин?» – спрашивали друг друга обыватели, не ожидавшие такого назначения.

Петр Аркадьевич происходил из старинного дворянского рода, известного в России с XVI века. Представительницей средней ветви рода Столыпиных была бабушка Михаила Юрьевича Лермонтова – Елизавета Алексеевна, в замужестве Арсеньева, родная сестра двоюродного деда П.А. Столыпина Афанасия Алексеевича Столыпина. А.А. Столыпин, офицер артиллерии, участник Бородинского сражения, владел имением в селе Лесная Нееловка Саратовского уезда.

Впрочем, приближенные к власти вопросов не задавали – род Столыпиных был известным.

Кроме аттестации при дворе важную роль играли и личные суждения. О роде Столыпиных они были положительными, а это уже что-то значило.

При дворе о них рассказывали занятные истории.

Да, саратовский губернатор был сыном известного человека. Его отец, Аркадий Дмитриевич, служил флигель-адъютантом Александра II, генерал-майором свиты. Как раз в то время император издал распоряжение, по которому свитские генералы при производстве в генерал-лейтенанты больше не зачислялись в генерал-адъютанты. Из-за этого распоряжения три старших генерала свиты, в том числе и Аркадий Дмитриевич, были вынуждены подать в отставку.

Столыпин-старший уехал в Вильно, где во время службы купил себе дом. Рядом находилось его имение в Колноберже. В Вильно учился и окончил гимназию юный Петр.

Интересный случай произошел в 1877 году, когда началась война с Турцией. Через Вильно проезжал император. Как положено, его с почетом встречали на перроне вокзала. Среди встречающих был и Столыпин-старший. Увидев его в придворном мундире, Александр II напыщенно произнес:

– Как грустно мне видеть тебя не в военной форме!

– Буду счастлив надеть ее, ваше величество, – ответил Столыпин-старший.

И одной фразой вернул себе службу. Император отреагировал на нее сразу:

– Тогда надень мои вензеля. Согласен?

– Да, ваше величество!

– Поздравляю тебя генерал-адъютантом и назначаю командовать корпусом действующей армии! – громко произнес император.

Так Столыпин-старший отправился на войну, на театр военных действий, а не в тыл воюющей армии.

Было при дворе известно и то, как Столыпин-старший приобрел имение в Колноберже, которое слыло любимым в его семействе. Он получил имение за долги родственника, проигравшего ему крупную сумму в карты.

Проигравший признался:

– Денег у меня столь значительных нет, но имею я в Литве небольшое имение. Сам никогда там не был, но слышал, что оно уютное и расположено в живописном месте. Хочешь, возьми за долг?

– Возьму, – сказал Столыпин-старший.

– Тогда по рукам!

Эта же молва говорила, что случались у отца Столыпина своеобразные причуды. Любил он устраивать сюрпризы. Однажды гулял Петр Аркадьевич по бульвару в Ковно со своей супругой Ольгой Борисовной и вдруг замер от неожиданности, встал как вкопанный. Видит, навстречу ему катит на извозчике отец. Катит и смеется:

– Два дня как приехал! Остановился в гостинице Левинсона! Вот и к вам собрался!

Было известно, что Столыпин-старший дружил с графом Львом Николаевичем Толстым. Он находил, что писатель более странен, чем он сам. Разговаривал как-то Столыпин с мужиками в Ясной Поляне, где гостил, и слышит, хвастается один из них, что ему сапоги сам граф сшил.

– А хороши ли они? – поинтересовался Столыпин-старший.

– Только хороши, что дармовые, – ответил тот. – А так совсем плохи!

Известно было и как женился Столыпин-старший.

В молодые годы он был адъютантом у наместника Польши князя Горчакова, брата канцлера. Решился просить руки дочери своего начальника и только произнес фразу после доклада: «Ваше сиятельство, теперь у меня есть к вам...», как Горчаков перебил его: «Нет, нет, я устал, довольно, завтра доложишь...» И верный адъютант, бледный от волнения, удалился. Ночь он спал беспокойно, все ждал утра следующего дня, чтобы вновь, уловив момент, попросить руку любимой.

А был Столыпин-старший человеком практичным, потому и выбрал себе в жены женщину необыкновенную, княжну, блиставшую умом и добротой. Наталья Михайловна была знакома со всеми выдающимися людьми. Ценили ее за ум и начитанность.

Рассказывали при дворе и такое. На одном заграничном курорте к ней подошла дама из высшего света, ее хорошая знакомая, и сказала:

– Я понимаю, дорогая, что вам приятно поговорить с умным человеком! Но нельзя же не обращать внимания на его наружность. Вы гуляли нынче в парке с мужчиной, плохо одетым, и даже не смущались!

– Да вы знаете, как он умен и славен, – ответила Наталья Михайловна.

– Кто же это, что вы пренебрегли правилом? – поинтересовалась великосветская дама.

– Да друг мой Гоголь!

Все знали, что поэт Михаил Юрьевич Лермонтов был из рода Столыпиных. Но не знали, что родные не любили его за несносный характер. Одна из тетушек Столыпина его не терпела и до самой смерти считала, что такой мальчишка, как Мишель, не мог писать талантливо.

– Ни за что писаний Мишеля читать не стану! – утверждала она.

Суждения тетушки удивляли Петра Столыпина, который в юности пробовал писать стихи и преклонялся перед известным поэтом Апухтиным. В студенческие годы даже организовал кружок, на собрания которого приглашал поэта.

Об этом, наверное, знал и сам государь, заметивший как-то:

– Если Петр Аркадьевич поклоняется изящным искусствам, то это лучше всего характеризует его как человека образованного...

Были хорошо известны и предки жены Столыпина Ольги Борисовны, урожденной Нейдгардт. Ее отец был почетным опекуном в Москве и имел дело с приютами, воспитательными домами и школами. Когда он приезжал к своим питомцам, те встречали его радостными криками, неизменно добавляя:

– Казенный папаша приехал!

Супруга Бориса Александровича, мать Ольги Борисовны, заведовала учебными и богоугодными заведениями в городе, и по утрам, кроме воскресного дня, каждый из них в своем кабинете в Москве, на Арбате, принимал посетителей по личным и служебным делам.

Их трехэтажный дом был весьма типичен для Арбата – патриархального уголка Первопрестольной, – с толстыми стенами, большими комнатами. Все знали, что это старинное здание занимал в 1812 году наполеоновский маршал Ней, облюбовав себе под жилье красивый дом, построенный в русском духе. К счастью, французы недолго восседали в Москве, и дом, изрядно обшарпанный и разграбленный, вернулся к прежним хозяевам.

Семья Нейдгардт дружила с великим князем Сергеем Александровичем и великой княгиней Елизаветой Федоровной. На все балы и приемы их приглашали неизменно – и в генерал-губернаторский дом, и в имение под Москвой, в Нескучное.

Известна при дворе была и сентенция, произнесенная как-то императором Николаем Павловичем отцу Ольги Борисовны в бытность того главнокомандующим на Кавказе. Многие события забываются в истории, исчезают, а вот некоторые фразы остаются.

– Как здоровье твоей жены? – спросил император.

– Ничего, ваше величество, – ответил тот. – Только вот нервы ее мучают...

– Нервы? – удивился император. – У императрицы тоже были нервы, но я сказал, чтобы не было нервов – и их нет!

Говорили также при дворе, что в семье Столыпиных часто вспоминают генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, правнучкой которого была Ольга Борисовна. Ее бабушка, урожденная графиня Зубова, была единственной дочерью знаменитого полководца.

– Знаете, какой девиз главенствует в их семье? Не знаете? Да весьма прост. Александр Васильевич внушал своим подчиненным и дочке: «Не кончить дела – ничего не сделать!»

А ведь подмечено было верно. Человек, который до конца не доводит начатое, ничего путного в жизни не добивается.

Государь любил умных и преданных людей. Преданных было много, а вот умных, к сожалению, мало. Понадобились они особенно в трудный момент его царствования. Он присматривался ко многим. Вокруг было немало достойных претендентов на важный пост, причем из знатных родов, но он остановил свой выбор на Столыпине, считая, что тот представляет не менее известные родовые ветви.

Наследственность ценилась при монархии.

Николай II не забыл и характеристики, данной Столыпину князем Святополк-Мирским, министром внутренних дел. Впрочем, князь слыл либералом и не удержал народ в повиновении, за что и потерял портфель министра.

«Нет, в такую пору либералы не могут быть в правительстве, – размышлял царь. – Всех распустят, все растеряют... Нет, не нужны либералы».

Либералы не нужны, но и консерваторы, на которых опиралась власть, не пользовались уважением в народе. Народ больше верил смутьянам, к сожалению, позабыв, сколько хорошего ему сделала монархия. А теперь, поддавшись злобной агитации оппозиции, он оказался вовлеченным в смуту, затягивающую империю, как трясина.

Недовольная империя бурлила.

Бурлила и Саратовская губерния. Тревожил больше других Балашовский уезд, который всегда отличался неповиновением. Казалось, что Стенька Разин вернулся на волжские берега. Вражда в обществе разрасталась, и сказывалось это во всем, даже в мелочах. В людях появились злоба, неприятие.

Из воспоминаний Марии Петровны Бок, дочери П.А. Столыпина:

«Помню концерт, с которого, когда вошел в залу мой отец, демонстративно, с шумом отодвигая стулья, вышли несколько левых членов земства с семьями. На общественных балах сплошь да рядом случалось, что всякие молодые люди и девицы из левых кругов, проходя мимо мамá или меня, не только не сторонились, но наоборот, с задорным видом старались задеть, толкнуть. Наряду с этими незначительными фактами, стали вносить мрачную ноту в нашу жизнь и более серьезные симптомы назревавшей революции: начались забастовки – то не горит электричество, то бастуют пекаря, то еще где-нибудь бросают рабочие работу».

Чем на это ответил губернатор?

Губернатор устроил банкет на шестьдесят земцев, чтобы помирить стороны, все больше вытягивающиеся в противостояние.

– Надо найти общий язык, – убеждал он всех.

Получилось интересное собрание: безупречные фраки, крестьянские поддевки, разнообразные мужские костюмы. И хотя собравшиеся беседовали непринужденно и речи произносились плавные, чувствовалось, что политические события все больше отделяют одно сословие от другого.

– Какое все же разнообразие, – заметил помощник губернатора. – Вы только посмотрите, Петр Аркадьевич, какое все же разнообразие во всей этой наружности...

– Это разнообразие вынести можно, – ответил Столыпин, – а вот разнообразие в политических вкусах и умах вынести трудно.

Наверное, для того, чтобы не было еще большего разнообразия, по величайшему решению и был командирован в губернию генерал-адъютант Сахаров. Ему предписали подавить беспорядки. Сахаров остановился в доме губернатора, откликнувшись на приглашение Столыпина.

В одну из ночей Столыпина разбудили. Прислуга объяснила: из Пензы приехали рабочие, чтобы предупредить власти, что на Сахарова готовится покушение. Утром губернатор пригласил к себе жандармского полковника, возглавлявшего охранное отделение, чтобы сообщить ему неприятную новость. Но полковник был высокого мнения о своей службе, гражданских суждений не признавал. Потому и посмел надерзить молодому губернатору:

– Позвольте нам лучше знать, чего хотят эти революционеры. У них другие замыслы, не покушение на генерала. Мы знаем, что он им вовсе не нужен!

Но вышло все иначе. Утром на прием к генералу явилась просительница – молодая женщина, миловидная, стеснительная. В руках она держала прошение.

Чиновник ввел ее в комнату и, выходя, прикрыл дверь. Он заметил, как просительница протянула Сахарову бумагу.

Генерал только успел произнести: «О чем изволите просить?», как раздался выстрел и, резко толкнув дверь, Сахаров вышел, шатаясь, из комнаты, весь в крови. Здесь же, в дверях, он упал. Вслед за ним из кабинета выбежала женщина, которая бросилась по лестнице вниз, на первый этаж. Ее задержал чиновник по особым поручениям Оболенский.

Бумага, оставшаяся на столе у генерала, была не прошением, а приговором революционеров, который они вынесли присланному усмирителю.

Волнения и бунты прокатывались по губернии, как огонь: крестьяне жгли все, что попадало под руку, – помещения, мебель, библиотеки, хозяйственные постройки. Они ничего не разворовывали, просто жгли. Жгли даже амбары, скотные дворы. Столыпин считал, что крестьяне должны одуматься, ведь трудно крестьянскому сердцу видеть коров, лошадей и овец ревущими от боли, издыхавшими на их глазах с распоротыми животами.

Чиновник по особым поручениям Оболенский возмущенно говорил Столыпину:

– Это же революция!

Когда они ездили по губернии в железнодорожном вагоне, то видели, как освещена степь факелами. Казалось, все вокруг горит, и даже чувствовался жар этого пламени. Становилось страшно.

Из степей беспорядки пришли в город. По улицам шествовали манифестации – выступали и правые, и левые. Двигались они, как римские центурионы – впереди самые отборные, самые сильные, крепко сложенные, последние ряды несли корзины с булыжниками. Задние подавали булыжники по цепочке вперед. Начиналось метание камней, а затем стрельба.

Столыпину советовали:

– Надо вводить войска!

Столыпин отвечал:

– Если мы их введем, будет бойня! Убитых станет больше.

– Вы знаете, Петр Аркадьевич, какая вокруг злоба и ненависть! Все сошли с ума. Один местный ветеринар вел своих сторонников громить помещичью усадьбу, одевшись в костюм времен Ивана Грозного!

– Народ одумается, – говорил губернатор, – поймет, где правда. Скоро все узнают, что основное зло творят подстрекатели.

– Да, Петр Аркадьевич, левые хотят поджечь Саратовскую, а заодно с ней и Пензенскую губернию, а дальше всю Россию. Им мерещится страна без царя и без правительства.

– Не получится! – упорствовал Столыпин. – Вспомните мое слово, не получится. В пещерный век мы не вернемся!

Столыпин не отсиживался за штыками охраны, как это делали некоторые губернаторы. Напротив, он вел себя смело. Без страха мотался по губернии, появляясь в самых неожиданных местах, где клокотала толпа, и безоружным выходил к ней, скандалившей и галдевшей. Его речи были коротки и понятны фабричному люду и крестьянам, отрезвляюще действовали на

всех. Не побоялся он отправиться и в город Балашов, хотя его отговаривали от этого, пугая опасностью.

Именно после поездки в Балашов, где происходили самые серьезные волнения, Столыпин написал жене: «Теперь я узнал, что значит истерический клубок в горле, сжимающий его и мешающий говорить, и понял, какая воля требуется, чтобы при этом не дать дрогнуть ни одному мускулу лица, не поднять голоса выше желательного диапазона».

Много раз он бывал в опасности.

Однажды увидел, как стоящий перед ним мужчина навел на него пистолет. Распахнув пальто, он перекричал толпу:

– Стреляй!

Тот не решился, опустил руку.

В другой раз, выйдя из железнодорожного вагона, он направился в село, где бушевали страсти. Какой-то парень, вышедший из толпы, крайне возбужденный и взволнованный, шагнул навстречу Столыпину. Увидев, что рядом с губернатором нет ни охраны, ни полиции, этот парень нагло поднял голову, не скрывая своего злого намерения. Ничего хорошего от него ждать не приходилось. Столыпин, оценив ситуацию, не растерялся:

– А ну-ка, поддержи мою шинель!

И парень, намеревавшийся поднять руку на губернатора, держал его шинель, пока тот выступал перед собравшимися, призывая их одуматься и вернуться к порядку, к мирной жизни.

В то время, когда некоторые надеялись на то, что река, вышедшая из берегов, со временем успокоится сама, другие считали, что предстоит многое сделать, чтобы обуздать стихию и направить ее в нужное русло.

Столыпин был из тех губернаторов, которые стремились сами обуздать стихию и не сидели сложа руки в своем кабинете. Он выходил к народу. Когда произошли беспорядки в старой части города, на Театральной площади, он не побоялся прийти на митинг левых. Из окна третьего этажа дома возле площади, где собралась толпа, в губернатора швырнули бомбу. Она взорвалась, убив несколько человек. Столыпин не пострадал, стоял невредимый и, сохраняя хладнокровие, спокойным голосом просил собравшихся:

– Разойдитесь по домам и надейтесь на власть, вас оберегающую!

Толпа, увидев такое спокойствие губернатора, разошлась.

Вначале он старался улаживать конфликты мирным способом, не вызывая войска. В деревню воинские части не посылал, считая, что, пока губернская власть спокойно выполняет свои обязанности, революция восторжествовать не сможет. Он говорил, что неразумно утомлять войска передвижениями по губернии от одного погрома к другому, что это лишь внесет еще большую сумятицу и ослабит саму власть. Погромы, казалось, не пугали его.

– Это безобразие долго продолжаться не будет, – говорил он подчиненным. – Если в нынешних условиях сохранится государственно-административный аппарат в целостности, то это поможет спасти Россию. Не в крупном землевладении сила России. Большие имения отжили свой век. Их, как бездоходные, продают сами владельцы. Они уже не опора страны...

– А в чем опора? – спрашивали его.

Он твердо отвечал:

– В царе. Без царя не будет страны.

И, выступая перед народом, говорил:

– Без царя вы будете нищими, а все мы будем бесправны!

Когда в конце 1905 года волна погромов захлестнула губернию, Столыпин решил силой прекратить разгул погромщиков и водворить порядок. Он запретил собрание левых в городском театре, а когда те все же стали собираться, невзирая на его запрет, приказал выставить

войска. Левые отступили, понимая, что губернатор шутить не намерен, что свое слово он сдержит.

Тогда смутьяны избрали другой способ, чтобы досадить Петру Аркадьевичу. Они стали присылать ему анонимные письма с угрозами.

Однажды он прочитал письмо, в котором неизвестный грозился отравить его маленького сына, и хотя Столыпин был уверен в прислуге, которую хорошо знал, все же обязал домашних принимать все меры предосторожности. С каким чувством тревоги следили супруги за своим единственным сыном, которому угрожали! Но разве только пища вызывала у них озабоченность? Разве на дочерей их не могли покушаться?

При докладе правительства Николай II интересовался, как обстоят дела в Саратовской губернии, и, узнав, что власть там в твердых руках и беспорядки умирятся, обмолвился:

– Что ж, Петр Аркадьевич наши ожидания оправдывает!

* * *

Столыпин уезжал из Саратова с гордо поднятой головой. Он считал, что за три года, с 15 февраля 1903 года по 26 апреля 1906 года, сделал в губернии многое.

Как отмечали современники, Столыпин оказал Саратову значительные услуги, одна из которых – открытие местного университета. При нем было заложено здание Мариинской женской гимназии, асфальтированы центральные улицы города, проведены пробные пуски газового освещения, открыты новые приюты и ночлежные дома. Губернатор выбил для города заем для устройства водопровода. Он был попечителем местной женской гимназии, женских коммерческих курсов, председателем губернского комитета попечительства народной трезвости, попечительства о тюрьмах, по фабричному и горнозаводскому делам и Саратовской ученой архивной комиссии.

Новый министр – новая метла...

Еще древние философы отмечали, что в характере мужчины заложены амбициозность и властность. Если он занимается политикой, то обязательно хочет быть выше всех, хочет править другими.

Представители многих знатных родов мечтали занять престижное положение на государственной службе, сделать карьеру. О министерских портфелях могли мечтать лишь некоторые, имеющие сильную протекцию. Чем выше была должность, тем выше и интрига, связанная с таким назначением.

Губернатор Столыпин о престижной должности не думал. Он просто исполнял свой долг, как исполняют его честные люди, не мечтая о высоких постах.

Иногда судьба улыбается и таким людям.

В конце апреля 1906 года в Саратов неожиданно пришла телеграмма из Петербурга, подписанная председателем Совета министров Горемыкиным. Распоряжение было коротким – Столыпину предлагалось немедленно прибыть в столицу.

Ольга Борисовна была встревожена:

– Что-то случилось... Так неожиданно... Что бы это могло значить?

Сам Столыпин не знал, по какому поводу его вызывали, не мог объяснить семье полученную телеграмму. Можно было лишь строить догадки. Найти ответ представлялось возможным разве что в Петербурге.

Приехав в столицу, Столыпин сразу же направился к Горемыкину и без всяких задержек был принят главой правительства. Настроившись на долгий разговор, не станет же из-за какой-то мелочи срочно вызывать его председатель Совета министров? Но разговор, на удивление, вышел совсем коротким. Увидев Столыпина, Горемыкин обрадовался:

– Вас ждет государь...

Это было неожиданно. Невольно напрашивались вопросы: что произошло, почему так внезапно?

Поняв смущение губернатора, Горемыкин его успокоил:

– Ничего страшного. Государь ныне беседует со многими губернаторами, чтобы разобраться в происходящем.

Приема у государя в Царском Селе тоже долго ждать не пришлось. Саратовский губернатор был принят незамедлительно. Государь встретил Петра Аркадьевича милостиво, сказав, что давно следит за его деятельностью в Саратове.

– Я считаю, вы исключительно выдающийся администратор...

– Ваше величество, вы слишком любезны к моей персоне, – скромно ответил Столыпин.

– Так вот, Петр Аркадьевич, я решил назначить вас на должность министра внутренних дел. В сложившейся обстановке это необходимо.

Столыпин растерялся от неожиданного предложения. Он был, конечно, удивлен и попытался отказаться от столь заманчивого поста, но стремился сделать это тактично, чтобы не обидеть государя.

– У меня нет иного выхода? – улыбаясь, просил он.

– Ни у вас, ни у меня, – ответил государь. – Мы оказались с вами в такой ситуации, что нам необходимо принимать энергичные меры, иначе враги династии разрушат опору нашего государства. Потому я и прошу вас незамедлительно принять министерство.

Но Столыпина было не так-то легко уговорить.

– Ваше величество, я весьма благодарен вам за такое доверие ко мне, но несколько месяцев губернаторства в Гродно, которые я имел, и три года в Саратове не являются, на мой взгляд, достаточной подготовкой к управлению всей внутренней жизнью России. Я полагаю,

что в такое время, когда нужны знания, опыт и воля, моя кандидатура не очень-то подходит. Если бы вы назначили меня на должность товарища министра временно, чтобы я разобрался в работе министерства...

– Быть министром и его заместителем – это не одно и то же, – заметил государь. – Я полагаю, у вас есть и необходимые знания, и опыт, и воля, чтобы принести пользу Отечеству. Я прошу вас, Петр Аркадьевич, принять предлагаемый пост.

– Ваше величество, я не могу принять этот пост. Это было бы против моей совести, – сказал Столыпин.

– Тогда я вам приказываю, – настоял государь. – Я даю вам очень короткое время, чтобы сдать губернию и принять министерство. Вас ждут безотлагательные дела!

Прощание с Саратовом было грустным, ведь пришлось прожить в этом городе трудные годы. Жаль было расставаться с новым местом, новыми друзьями и переезжать в таинственную, загадочную столицу, которая поражала своим размахом, бурлящей жизнью.

Ольга Борисовна призналась мужу:

– Меня вовсе не пугает твое новое назначение, ты любишь работать. Меня смущает оно тем, что в стране сложная обстановка и министерство, которое тебе поручают, самое трудное. В нем случались разные истории...

Она не произнесла вслух, что думала, – министров внутренних дел, случалось, и убивали, потому что они проводили жесткую политику, что не нравилось революционерам.

Петр Аркадьевич пояснил:

– Время для всех неблагоприятное, но поверь мне, что и в других министерствах – иностранных дел, финансов, военном, да и в любом другом, не менее хлопотно сейчас. Знаешь, Ольга, несмотря на все трудности, я бодро смотрю в будущее. Мы должны их преодолеть. Государь обещал мне поддержку во всех моих новациях. Он считает, что не все прежние министры могут работать с первым парламентом. Парламент призван успокоить страну, и правительство должно быть с ним солидарно. Я поддерживаю решение государя собрать лучших людей России, чтобы в тяжелую годину они своими советами и помощью помогли правительству удовлетворить по мере возможности разумные требования народа и восстановить порядок и мир. Все пришли к такому мнению, кроме правых. Эти по-прежнему недовольны и пророчат нам всякие бедствия.

– Я согласна с тобой, – сказала жена, – но предстоящая жизнь в столице, твоя работа в правительстве – там столько интриг...

Петр Аркадьевич успокоил супругу:

– Мы всегда с тобой их избегали, сами в них не участвовали. Даст Бог, минуем их и в Петербурге. Я иду работать, а не делать карьеру. Мне карьера, ты знаешь, вовсе не важна – я человек без амбиций. А что касается общих дел, то помочь государю следует. Я согласен с ним: необходимо наладить работу важного министерства.

* * *

Столыпин был прав: его, честного человека, интриги не пугали.

Была права и его жена: вокруг должности министра внутренних дел России всегда, во все времена плелись интриги.

* * *

На вокзале отъезжающую семью Столыпина провожало много людей. Казалось, весь город пришел проститься с губернатором. Полиции даже пришлось расчищать дорогу, чтобы

Столыпина смогли пройти к своему вагону. Самые близкие проехали с ними несколько железнодорожных станций.

– Запомните Саратов, – сказал Столыпин детям. – Мы уже никогда сюда не вернемся.

Старшая дочь Столыпина, Мария, позже вспоминала: «Когда же нас покинул последний саратовец, стало грустно и пусто в нашем салон-вагоне, и на душе тоже не было весело. Первое лето в жизни не в Колноберже – уж одного этого сознания достаточно, чтобы впасть в уныние, а тут еще гнетущее чувство, что папа будет подвергаться еще большим опасностям, что еще сильнее придется бояться за его жизнь».

* * *

Чиновники Министерства внутренних дел, прослышав, что к ним назначен новый министр, обсуждали в узком доверительном кругу – какие изменения грозят их ведомству. Каждый думал наверняка о своем положении.

– Говорят, приходит новая метла...

– Да, жди новых увольнений и назначений...

– Говорят, у саратовского губернатора крутой нрав. Он может согнуть даже палку, когда захочет...

– Скажите, пожалуйста, кто из его предшественников мог здесь что-то изменить? А ведь какие у нас были министры – хваткие, хитрые, умные, изворотливые, упрямые, настойчивые – никто не смог изменить министерский дух, выветрить его! Этот дух, господа, вечен! Не изменить его и Столыпину, прибывающему из провинциального Саратова!

Не зря боялась Ольга Борисовна нового назначения своего супруга, слишком одиозным было ключевое министерство, на котором держались и покой империи, и власть на местах. В первую очередь ее смущало, что министерство выполняет полицейские функции. По ее убеждению, Петр Аркадьевич к такой работе никак не подходил, как, впрочем, и сама работа не подходила к нему, к его натуре, взглядам и мышлению.

С того самого дня, как муж поделился с ней новостью о своем повышении, тревога никогда не покидала ее и ощущение опасности всегда тревожило, недаром ведь говорят: сердце – вещун.

В кресле министра внутренних дел империи побывали, сменяя друг друга, в конце девятнадцатого и в начале двадцатого века известные личности: М.Т. Лорис-Меликов, Н.П. Игнатьев, Д.А. Толстой, И.Н. Дурново, В.К. фон Плеве, И.Л. Горемыкин, Д.С. Сипягин, П.Н. Дурново, А.Г. Булыгин...

Все они были до Столыпина, так что мы можем сравнивать их с Петром Аркадьевичем.

В высшем обществе к лицам, назначаемым на должность министра внутренних дел, относились по-разному. Большинство – с особым почтением, но были и такие, кто воспринимал назначаемых скептически, с некой иронией.

Князь Лобанов-Ростовский, сделавший карьеру на дипломатическом поприще, до этого служил в Министерстве внутренних дел. Короткое время был даже товарищем министра. По нашему, заместителем.

Однажды обедали весьма уважаемые люди: генерал Р.А. Фадеев, его племянник – С.Ю. Витте, генерал М.Г. Черняев, граф И.И. Воронцов-Дашков, будущий министр двора и наместник Кавказа, и брат будущего министра иностранных дел Лобанова-Ростовского. Он долго жил за границей и оставаться на родине не желал.

– Что вы так спешите уехать? – спросили у него за обедом.

– Как же я могу остаться в России, когда она дошла до такого положения, что даже мой брат может быть товарищем министра внутренних дел? – возмутился тот.

Его брат, о слабых способностях которого он знал лучше всех, не мог, по его мнению, занимать такой ответственный пост в министерстве. Он не знал, что его брат участвует в интриге: через своего приятеля А.А. Половцева, государственного секретаря, добивается посредством великого князя Михаила Николаевича, председателя Государственного совета, высокой должности. Великий князь, как известно, имел большое влияние на государя.

Разные случались ситуации, когда министры назначались. Разные случались и тогда, когда они уходили в отставку.

Был одно время в фаворе, а потом оказался вдруг в немилости министр Иван Николаевич Дурново. Государь внезапно стал относиться к нему с нескрываемым недоверием. А пошло все от августейшей матушки государя, которая пожаловалась сыну, что полиция ее письма перлюстрирует, то есть скрытно читает. Сын, понятно, возмутился – читать переписку царской семьи было нельзя. Напрасно Иван Николаевич оправдывался, говоря, что чужие письма, тем более царских особ, он не просматривает и подчиненным запрещает. Недоверие государя заканчивалось, как правило, отставкой. Дурново вынужден был министерство покинуть.

Отправив его в отставку, Николай II долго раздумывал, кому доверить министерство, забыв о том, что личную переписку все равно будут читать – не этот министр, так другой. Своего преданного министра финансов графа Витте он просил назвать кандидатуру.

– Я не знаю, кого вы имеете в виду. Как же я могу дать кому-то характеристику?

– Мне рекомендовали двух лиц: Плеве и Сипягина.

Витте понял, что Плеве проталкивает Дурново, а речь зашла о Сипягине лишь потому, что в свое время он был кандидатом на пост во времена предыдущего государя.

Он сказал, что обоих знает хорошо. О Плеве – что он, несомненно, очень умный и опытный, очень деловой и работоспособный, но, насколько глубоки его убеждения и полезны ли для карьеры, сказать не может. Вспомнил, что когда Плеве работал под началом графа Лорис-Меликова, то открыто сочувствовал его конституционным идеям, но, став правой рукой графа Игнатьева, исповедовавшего совершенно противоположные взгляды, поменял свои позиции.

– Это плохо, что он так легко меняет свои убеждения, – заметил Николай II.

– Осмеливаюсь заметить, что при графе Толстом Плеве стал поклонником уже его системы, которая в корне отличалась от двух предыдущих...

– А как Сипягин? – спросил царь.

Витте не уклонился и от ответа на этот вопрос.

– Думаю, что Сипягин менее способен, нежели Плеве, хотя и окончил курс в университете на юридическом факультете. Он довольно хорошо знает административную губернскую часть, ибо был предводителем дворянства, а затем вице-губернатором и губернатором. Это человек здравого смысла и убеждений. Правда, убеждения его очень узки, чисто дворянские. Он придерживается самодержавия, патриархального управления государством на местах. Прекрасной души человек, по натуре гуманный, твердый и представляет собой в истинном смысле слова образец русского – благородного дворянина...

Выслушав Витте, государь так ничего и не решил и долго не назначал министра внутренних дел. Во время очередного доклада Витте пожаловался ему, что целый ряд документов не оформляется из-за отсутствия министра. Николай II признался:

– Я так и не решился кого-либо назначить, все ожидал вашего приезда из-за границы. Поинтересовался мнением Победоносцева. Константин Петрович сказал мне: «Плеве – подлец, а Сипягин – дурак».

– Значит, он может сам дать кандидатуру?

– Он рекомендовал мне вас...

Витте министром полиции быть не собирался. Его стихия была определена: финансы, экономика, железные дороги – и государь это хорошо знал. В то же время он всегда прислу-

шивался к мнению Победоносцева – обер-прокурора Синода, который имел на него большое влияние.

– А что вы думаете по поводу Горемыкина? – спросил Николай II.

– Не знаю. На меня он производит впечатление человека порядочного, и я думаю, что Победоносцев рекомендует его неспроста. Они оба правоведа и так же, как и лицеисты, держатся друг за друга, все равно как евреи в своем кагале.

– Это вы верно подметили. Да, я назначу Горемыкина, – сказал после некоторого раздумья царь.

Вернувшись от государя, Витте приехал в министерство к Горемыкину, чтобы сообщить о решении государя. Горемыкин был доволен назначением и своей радости не скрывал.

– Я рад получить самостоятельное место. Рад, что состоялось, наконец, это назначение, и я теперь не калиф на час, не временно управляющий министерством.

И тут же неожиданно завел разговор о секретных деньгах.

– Первым делом, что я сделаю, распоряджусь, чтобы 50 тысяч рублей, которые получали министры на секретный фонд, мне не давали и чтобы их тратил Департамент полиции на свои секретные нужды...

Горемыкин затронул весьма щекотливый вопрос.

Еще со времен соединения Третьего отделения с министерством министр стал по должности шефом жандармов и таким образом, кроме полагающегося довольствия: содержания казенной квартиры, оплаты отопления и прочих услуг, – стал получать по смете жандармского управления 50 тысяч рублей в год на особые расходы. Под особыми расходами подразумевались расходы негласные, которые министр мог производить, никому не отчитываясь. Проверить его мог только государь, который никогда не опускался до того, чтобы затребовать отчета у своего министра.

Все, что бесконтрольно, присваивается. Постепенно и эти деньги стали тратиться министрами на свои личные нужды.

А ведь тогда Горемыкин чуть не божился:

– Секретные деньги пойдут на нужды Департамента полиции!

Об этих деньгах мы еще вспомним!

Горемыкин, исповедовавший до назначения министром либеральные взгляды, получив должность, от них отказался, стал проводить реакционную политику. О своем слове, данном министру финансов относительно секретных сумм, со временем забыл.

Как легко люди меняют свои взгляды! Как портят их высокие должности!

2 апреля 1902 года был убит министр внутренних дел дворянин Дмитрий Сергеевич Сипягин.

В вестибюле Комитета министров к нему подошел офицер, одетый в адъютантскую форму, и протянул пакет.

– От кого? – спросил Сипягин.

– От великого князя Сергея Александровича, из Москвы, – ответил офицер.

Когда Сипягин протянул руку, чтобы взять пакет, офицер сделал несколько выстрелов из браунинга. Министр упал, но был еще в сознании, когда его перевозили в Максимилиановскую лечебницу, находившуюся недалеко от Мариинского дворца, где располагался Комитет министров.

Стрелявшего схватили. В соседней комнате его стали раздевать.

Министр Ванновский, генерал, взглянув на стрелявшего, сказал:

– Это не офицер! Офицер так одеваться не может. Это человек, наряженный офицером.

Он был прав. Стрелявший сразу же сознался, что он не офицер, а бывший студент, по убеждениям анархист, и фамилия его Балмашев.

Сипягин скончался через несколько часов. Пост министра внутренних дел, за который так бились кандидаты, оказался вакантным.

Вполне возможно, что должность министра освободилась бы раньше, и, возможно, Сипягин остался бы в живых – в свое время он намеревался уйти в отставку и подумывал просить государя отпустить его. В таком случае кто мог сменить его?

Сипягин сам называл своего преемника, которого хотел рекомендовать государю. Это был Плеве.

– Только не его. Это будет величайшее несчастье... – предупредили его близкие.

– Почему? – спросил он у друзей.

– Сделавшись министром, он будет преследовать только личные цели!

Собеседники убедили в этом Сипягина, и первым был князь В.П. Мещерский, издатель и редактор крайне реакционной газеты «Гражданин». Как только Сипягин скончался, Мещерский встретился с Плеве и чуть ли не при нем написал его величеству письмо, в котором изложил свое мнение, почему единственным кандидатом на пост министра является Плеве.

В то время государь ценил суждения князя Мещерского.

Через два дня Плеве стал министром.

В российской истории, как в любой другой, значится много маленьких штрихов, незаметных на первый взгляд. Их могут не знать действующие лица, современники и даже исследователи, изучающие ту или иную эпоху, ибо они не отражены нигде документально.

Одним из штрихов было родство Сипягина и князя Мещерского, редактора пресловутого «Гражданина». Министр неосторожным образом ввел Мещерского к государю. Тот правителю понравился свежестью и оригинальностью мыслей. Последнее было несколько странным, потому что до протекции Сипягина государь и слышать не хотел о Мещерском и отзывался о нем весьма недоброжелательно.

Так вот, за обедом, во время которого Сипягин доброжелательно отзывался о Плеве, как раз и присутствовал князь Мещерский, который отговаривал его от такой протекции.

На этом рассказ о министре Сипягине можно было бы завершить, но необходимо упомянуть еще об одной детали, чтобы обрисовать другую личность. Читатель поймет, о ком идет речь.

Когда Сипягин был главноуправляющим комиссией прошений, он вел дневник, в котором определил характер государя. Став министром, завел себе новый дневник – ежедневный. После убийства Сипягина в его кабинете побывал товарищ министра П.Н. Дурново, но ни одной бумаги не тронул.

Потом в министерство примчался дворцовый комендант генерал-адъютант П.П. Гессе, ближайший из окружения царя, который попросил Дурново помочь ему разобрать бумаги покойного. Бумаги были разобраны: министерские переданы по назначению, личные – вдове Сипягина.

Александра Павловна Сипягина спросила у Дурново, где же дневники ее мужа. Она считала, что они относятся к документам личным.

– Их забрал Гессе, – ответил тот.

Во время представившегося случая Александра Павловна поблагодарила государя и государыню за оказанное ей внимание. Государь сказал вдове, что ему переданы дневники ее мужа.

– Я прошу разрешения задержать их на некоторое время, потому что они меня интересуют.

Отказать государю в просьбе Сипягина не могла.

Получить обратно записи оказалось делом трудным. Она вынуждена была обратиться к своему племяннику, графу Д.С. Шереметеву, флигель-адъютанту двора, просила, чтобы во время своего дежурства он напомнил государю о его обещании.

Как-то она посетила государыню. Та, в конце визита, попросила ее обождать:

– Вас хочет видеть государь.

Появившийся Николай II вручил Сипягиной пакет, сказав, что с благодарностью возвращает мемуары ее супруга.

– Они весьма интересны, – добавил он, прощаясь.

Раскрыв дома пакет, Сипягина увидела, что ей возвращен лишь первый дневник, второго в пакете не было. Она вновь обратилась к племяннику, полагая, что вернуть второй дневник сможет лишь он – граф Шереметев был другом детства Николая II.

Тот вначале обратился к Гессе. Услышав про дневники Сипягина, Гессе оборвал генерала:

– Что вы носите с этими дневниками?

После этой фразы их отношения стали натянутыми, Шереметев перестал разговаривать с Гессе. Тому, понятно, это не понравилось, и однажды на обеде, на котором присутствовал царь, чтобы восстановить отношения, Гессе сам вернулся к старой теме:

– Что касается мемуаров Сипягина, то могу уверить вас, что я лично передал государю то, что получил.

Второй дневник Сипягина исчез навсегда. Было ясно, что руку к этому приложил сам государь, оставив его у себя. Прослышав о подозрениях касательно его персоны, Николай II как-то заметил, что поскольку Гессе был не в ладах с покойным, то представляется вполне возможным, что именно он и уничтожил этот дневник. Сказал он об этом в отсутствие дворцового коменданта.

А граф Шереметев был порядочным человеком. Он признался Витте, что после выяснения всех обстоятельств пропажи дневника министра пришел к определенному выводу.

– Какому? – уточнил Витте.

– Что тетрадку уничтожил сам государь!

После того как был издан Манифест 17 октября, Шереметев страшно оскорбился, что его любимый государь пошел на уступки оппозиции. Он приказал в своем дворце немедленно повернуть все портреты его величества к стене, чтобы не видеть его изображения. Самый большой портрет приказал отнести на чердак.

* * *

Удивительная метаморфоза произошла с генералом Ванновским, министром народного просвещения. Тот был старой закалки и ярый консерватор, но и он никак не мог ужиться с Плеве.

– В чем же дело? – спросили у него. – Ведь вы с Плеве оба строгие консерваторы?

– Но он такой махровый... Хуже не бывает!

Приняв министерство, Плеве сразу отправился в Харьков. По всей стране ширились крестьянские бунты и волнения – крестьяне требовали землю. Харьковский губернатор князь Оболенский ответил на них по-своему – он приказал произвести усиленную порку возмущавшихся и, чтобы его повеление выполнялось, лично ездил по деревням и наблюдал, как наказывают бунтовщиков.

Плеве не сделал ему внушения, а, наоборот, поддержал. Позже он даже выдвинул князя за инициативу в генерал-губернаторы Финляндии.

«Революцию надо душить в зародыше!» – говорил Плеве, но он не только боролся с революционерами, он устраивал и гонения на евреев. Как при графе Игнатеве, так и при Дурново Плеве был одним из сочинителей всех антиеврейских проектов. При этом он говорил:

– Против них лично я ничего не имею!

Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович был честным, мужественным и прямым человеком, но имел две слабости, одна из которых состояла в его

нелюбви к евреям, а вторая не имела никакого отношения ни к службе, ни к политике. В последние годы его правления в Москве прославился обер-полицмейстер генерал Трепов, который, как отмечали многие современники, и довел Первопрестольную до революционного состояния.

Принятые против евреев меры лишь накалили обстановку. Поскольку гряда законов о евреях в России представляла собой смесь неопределенностей с возможностью широкого их толкования в ту или иную сторону, то на этой почве и происходили произвольные толкования, угодные властям. Так расцвело взяточничество.

«Ни с кого администрация не берет столько взяток, сколько с евреев, – писал граф Витте. – В некоторых местностях прямо создана особая система взяточнического налога на жидов. Само собою разумеется, что при таком положении вещей вся тяжесть антиеврейского режима легла на беднейший класс, ибо чем еврей более богат, тем он легче откупается, а богатые евреи иногда не только не чувствуют тяжести стеснений, а, напротив, в известной мере главенствуют, они имеют влияние на высших чинов местной администрации».

С существующими порядками пытались бороться некоторые сенаторы, но Министерство внутренних дел доносило государю на них, как на противодействующих администрации. Таких сенаторов не награждали, их переводили из департаментов, назначая новых, послушных, и вскоре Сенат толковал законы так, как это нужно было Министерству внутренних дел.

Между тем существующее положение революционизировало население.

Вникнуть бы Плеве в суть вопроса, как вник в него в свое время Александр II, но граф историей не интересовался и не любил философствовать, а тем более рассуждать. К тому же он не осуждал тех, кто науськивал толпу на евреев, и таким образом поощрял погромы.

Погромы бывали и в бытность министра Игнатьева. Потом пришел граф Толстой – погромы прекратились. Плеве не был строг в этом вопросе, и при нем разразились погромы, среди которых самый ужасный произошел в Кишиневе.

Из воспоминаний графа С.Ю. Витте:

«Граф Мусин-Пушкин, генерал-адъютант закала императора Николая I, бывший тогда командующим войсками Одесского округа, рассказывал, что немедленно после погрома он приехал в Кишинев, чтобы расследовать действия войск. Описывая все ужасы, которые творили с незащитными евреями, он удостоверял, что все произошло оттого, что войска совершенно бездействовали, а бездействовали они оттого, что им не давали приказа действовать со стороны гражданского начальства, как того требует закон. Он возмущался всей этой ужасной историей и говорил, что этим путем развращают войска.

Пушкин не любил евреев, но он был честный человек. Еврейский погром в Кишиневе, устроенный попустительством Плеве, свел евреев с ума и толкнул их окончательно в революцию. Ужасная, но еще более идиотская политика!..»

Нет, Плеве эти погромы не устраивал, но и не скрывал, что допускает, чтобы погромы носили антиреволюционный характер. Мировая общественность осуждала царскую власть. Плеве отстаивал, несмотря на это, свое мнение: пока будет революция, будут и погромы.

В Париже он встречался с еврейскими лидерами и говорил им то же, что и раввинам в России:

– Заставьте ваших прекратить революцию, я прекращу погромы и отменю стеснительные против евреев меры.

Ему отвечали:

– Мы не в силах; молодежь, озверевшую от голода и стеснений, нам не удержать. Если вы начнете проводить умную политику и проведете облегчительные в отношении евреев меры, наша молодежь успокоится.

Плеве порой забывал, что кроме евреев в революцию шли русские, малороссы, представители других национальностей, населявших империю. Шли, конечно, не от хорошей жизни. Он был умен и культурен, но в нем всегда брало верх полицейское начало, а это все портило. Он придерживался и полицейской силы, и полицейской хитрости, отсюда и его интерес к идеям жандарма Зубатова – разложить рабочее движение. Тем самым, полагал он, мы приблизим к себе фабричный люд, отдалив его от революционеров.

Интересно, что поначалу Плеве высказывался о затее Зубатова как о глупой и вредной, но потом, изменив свое мнение, привлек Зубатова в Департамент полиции и подчинил ему все охранные отделения. Уезжая однажды в отпуск, министр отпустил по делам и директора Департамента полиции А.А. Лопухина.

– Кто же у вас остается? – спросили министра.

– Зубатов, – ответил Плеве, – он справится.

В рабочем движении, организованном Зубатовым, черпал свои силы знаменитый священнослужитель Гапон, пропагандирующий социалистические идеи.

– Я знаю, – говорил Плеве, – меня когда-нибудь убьют.

Он усилил свою охрану. Он ходил окруженный полицейскими, и, когда ездил в карете, его сопровождали агенты на велосипедах. Ездили они так неискусно, что все передвижения министра обращали на себя всеобщее внимание.

Плеве полагал, что он – новатор, что велосипеды, привезенные из-за границы, его спасут. Он не думал, что, когда человек держит двумя руками руль, ему уже не до оружия! И был убит в тот день, когда ехал на доклад к царю, по обыкновению в карете, окруженной охранниками-велосипедистами. Революционер Созонов бросил под карету бомбу. Плеве был убит на месте, кучер – ранен. Портфель министра с докладом остался невредим.

Говорили, что, осматривая его бумаги и всеподданнейший доклад государю, товарищ министра Дурново вроде бы обнаружил в них сообщение тайного агента из какого-то немецкого городка. В этом донесении упоминалось имя графа Витте, который якобы принимал участие в подготовке революционного выступления против государя. Много позже Витте объяснил дело так: Плеве боялся, что государь заменит его на Витте, а так как ему очень не хотелось покидать пост министра внутренних дел, то он и состряпал документ, порочащий графа.

Пытаясь усмирить народ, Николай II смещал и назначал министров, но успокоения от этого не наступало.

В 1904–1905 годах министром был князь П.Д. Святополк-Мирский, генерал-адъютант, который с 1906 года командовал отдельным корпусом жандармов. При нем случилось Кровавое воскресенье, пролог первой русской революции. Выяснилось, что в министры князь не годится – слаб, либерален, не умеет быть жестким.

С января по октябрь 1905 года министром был А.Г. Булыгин, который до этого занимал должность московского губернатора, а потом помощника московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича.

Булыгин с революцией не справился.

Потом был назначен полицейский профессионал Петр Николаевич Дурново, за плечами которого была служба в разных должностях – вице-директор Департамента полиции (1883–1884), директор Департамента полиции (1884–1893), товарищ министра (1900–1905).

– Хороший полицейский опыт, – говорили, рекомендуя его.

– Я знаю, – с улыбкой отвечал Николай II, – слишком хороший опыт.

Все знали давнюю любовную историю Дурново, которая едва не стоила ему карьеры. Не забыл о ней и царь.

Дурново был не только активным полицейским, но и большим поклонником прекрасного пола. Приревновав свою возлюбленную к иностранному послу, он, будучи директором Департамента полиции, приказал агентам произвести в доме дипломата тайный обыск.

– Все письма, адресованные ему, – приказал он, – доставить ко мне!

Дурново искал любовные письма, агенты считали, что идут поиски утечки государственной тайны. Разве в любовных письмах нельзя раскрыть служебные тайны?

Письма были доставлены, и директор департамента, не успев даже прочитать их, был возмущен. Он убедился в женской неверности.

На другой день он встретил предательницу. Объяснение было бурным, после чего изменившая ему женщина побежала к дипломату и, плача, подробно рассказала об инциденте. Под глазом у нее светился большой синяк.

Как истинный мужчина, дипломат поднял шум. Скандал дошел до государя Александра III. Спас положение министр внутренних дел Иван Николаевич Дурново, который был однофамильцем провинившегося, но отнюдь не родственником. Он и уговорил государя не увольнять того совсем, а назначить хотя бы в Сенат. Это выглядело бы почетно.

– Хорошо, – сказал Александр III, – я с вами согласен.

И наложил на доклад короткую резолюцию: «Убрать эту свинью в Сенат в 24 часа!»

У Петра Николаевича, кроме слабости к дамам, была и другая – он играл на бирже. И однажды проигрался. Что делать? Где брать взаймы?

Витте доложили, что сенатор Дурново просит его принять. Витте принял.

Дурново честно признался: он проиграл на бирже шестьдесят тысяч рублей и они ему безвозвратно нужны, чтобы сберечь свою честь.

Витте его огорчил:

– Я не могу вам помочь. Для этого мне пришлось бы просить его величество о такой услуге, а оснований у меня на то никаких нет.

– А если бы вас просил Сипягин?

– Я откажу и ему, несмотря на наши хорошие с ним отношения. Дам совет, если Сипягин обратится к его величеству, пусть меня оставит в стороне, ибо я буду противиться и государю.

На другой день, когда Витте встретился с Сипягиным, тот спросил его, как он относится к Петру Николаевичу.

– К его деятельности в Сенате отношусь положительно. А вообще Дурново я хорошо не знаю, чтобы давать ему рекомендации.

– Как вы думаете, Сергей Юльевич, если я приглашу его в товарищи? – спросил Сипягин.

– Наверное, Дурново должен отлично знать министерство, а вам необходимо иметь умного и деятельного товарища, – ответил Витте, – но я бы не советовал поручать ему дела полиции и вообще такие дела, в которых есть вещи неконтролируемые, делаемые не при свете дня.

Сипягин, поняв намек, коротко ответил:

– Это я знаю.

Вскоре после этого разговора Дурново и генерал-майор князь Святополк-Мирский были назначены товарищами (заместителями) министра. Последний был командующим корпусом жандармов, и в его ведении был Департамент полиции, так как министр делами департамента не занимался. Дурново поручили скромный участок – почты и телеграфы.

Был еще товарищ министра – князь Оболенский. С ним Сипягин был на «ты», но не доверял ему – уж очень было видно, что тот мечтает сделать карьеру и стать министром.

Сипягин помог Дурново выкрутиться из старой истории, выделив ему деньги из секретных сумм Департамента полиции. Так тот покрыл свои потери на бирже. Поддерживал Сипягин Дурново потому, что тот против министра не интриговал.

А вот Оболенский интриговал, и еще как! Особенно тогда, когда министр болел и Оболенский ходил на личные доклады государю, рассчитывая произвести на него впечатление.

Дурново был уверен, что понравиться государю – это еще не все, надо, чтобы кандидатуру поддержали и те, кто имел на государя влияние, потому что должность министра внутренних дел в правительстве особая, к ней все относились с большими претензиями.

После Сипягина пришел Плеве.

После Плеве министром стал князь Святополк-Мирский.

И при всех министрах Дурново вел себя корректно. Он был умным, выжидал, не спешил, зная, что часто выигрывают те, кто не слишком торопит события.

Дурново вел себя в высшей степени корректно, высказывал разумные мысли. Этим он производил впечатление на графа Витте и преуспел. Витте предложил Петру Дурново пост министра в своем правительстве, считая, что нашел себе хорошего помощника.

О своем выборе он позже сожалел. Так и сказал:

– При тех обстоятельствах, в которых я позже очутился, в этом назначении состояла одна из моих существенных ошибок, значительно способствовавшая ухудшению и без того трудного моего положения как председателя Совета министров.

Потом ушел со своим правительством и Витте. Его сменил Горемыкин, также имевший кандидатуру на должность министра внутренних дел, но у государя оказалась своя. Оставлять Петра Николаевича министром он не хотел, потому что в нем разочаровался: с октября 1905 года по апрель 1906-го Дурново так и не навел в государстве порядка.

– Конечно, у нас много профессионалов, – заметил государь, – но дела от этого лучше не становятся. Видимо, министром должен стать умный и энергичный человек, который смог бы активизировать деятельность министерства.

Тут и всплыла кандидатура Столыпина. Кандидатур было предложено государю несколько, но он остановился именно на ней, потому что по возрасту саратовский губернатор был самым молодым и, как рассуждал царь, самым энергичным.

Он советовался с матерью, вдовствующей императрицей. Та его выбор одобрила. Им нравилось, что Петр Аркадьевич из знатного рода, честно служившего самодержавию.

– И я думаю, что не ошибся, – заключил переговоры Николай II.

Наверное, это был один из немногих удачных выборов, сделанных Николаем II за годы своего царствования.

Очередная интрига вокруг правительства закончилась. В министерстве внутренних дел появилась «новая метла».

Здравствуй, Санкт-Петербург!

Когда провинциалы переезжают в столицу, она их поражает своим величием, пугает своей энергией. Впервые увидев трамвай, большую электрическую коляску, провинциал шаркался в сторону.

Столыпин и его супруга в столице бывали, на трамвае катались и с улыбкой смотрели, как удивляются столичному образу жизни их дети.

В воспоминаниях старшей дочери Столыпина Марии мы читаем о тех днях: «Сам Петербург меня с первого же дня очень разочаровал: мрачным, ненарядным, недостаточно „европейским“ показался он мне после Берлина и Вены, а вместе с тем, что не было в нем и восточного величия Москвы. Лишь позднее оценила я красоту нашей столицы: „Невы державное течение“, сказочно легкие очертания Петропавловской крепости в морозном тумане вечерних петербургских сумерок».

Наконец-то прибыла из Саратова в столицу мебель в казенную квартиру министра внутренних дел на Мойке.

– Мы будем жить на Аптекарском острове, на даче, – оповестил глава семейства своих домочадцев.

На даче охрана была поставлена намного лучше, чем в Саратове. Оно и понятно, ведь в Саратове полиция охраняла губернатора, а здесь своего непосредственного начальника – самого министра!

Как-то Мария пошла в церковь, расположенную за садом. Возвращаясь, подошла к калитке, чтобы открыть ее, как откуда ни возьмись полицейский:

– Ты куда?

– Как куда? Домой!

– Куда это домой? – строго спросил охранник.

– На дачу к своим родителям!

– Ты хочешь сказать, что ты дочь министра? Так мы тебе и поверили! А ну иди за мной!

И охранник отвел дочь Столыпина в участок, который находился через несколько улиц. Завел в комнату с канцелярскими столами, где сидели сотрудники в строгих мундирах, чтобы разобраться, кто же эта девушка. Вдруг один из офицеров, узнав дочь министра, выскочил из-за стола и подбежал к Марии.

– Извините полицейского за такое рвение! Больше подобного не повторится!

Офицер сам проводил девушку до злосчастной калитки и, вновь извинившись, просил родителям об этом случае не говорить.

Когда дочь все же рассказала за завтраком, что с ней случилось накануне, родители рассмеялись.

– Видишь, какая у нас теперь охрана! – заметила мать.

– Да, ее не проведешь! – сказал довольный отец.

– А я не хотела бы жить под такой охраной, – высказалась дочь, – ведь это так скучно – не сад, а настоящая тюрьма.

Родители ничего не ответили, словно не слышали, и перевели разговор на сетования Казимира, семейного слуги, которого с иронией восприняла местная прислуга. Казимир служил Столыпиным с малых лет и называл их всегда «Петр Аркадьевич» и «Ольга Борисовна», а казенная прислуга – лакеи, швейцары и курьеры, прислуживающие на казенной даче, – обращалась к хозяевам только со словами «ваше превосходительство». Здешние порядки Казимира удивили.

Но не по этому поводу смеялись Столыпина, а совсем по другому. Местный лакей, привыкший к большим сановникам, поинтересовался у Казимира:

- А где же лента у его высокопревосходительства?
- А у Петра Аркадьевича ленты никакой нет, – ответил Казимир.
- Он разве не генерал?
- Нет, пока не генерал!
- Неужели такой молодой? – спросил лакей. – Сколько же ему лет?

Лакея смутило, что молодой чиновник, к тому же не имеющий орденской ленты, занял место на их даче. Прежде такого никогда не бывало.

Чтобы выйти из неловкого положения, Казимир заметил:

– Петра Аркадьевича сам государь назначил. Он еще столько орденских лент получит, сколько вашим генералам и не снилось!

Переборщил, конечно, Казимир, ведь на даче на Аптекарском острове и раньше поселялись только министры, а назначал их, естественно, сам государь.

Конечно, лакеи на Аптекарском острове газет не читали, больше жили слухами и обрывками фраз, которые схватывали на лету. По фразам они четко определяли табель о рангах, были в курсе всех событий, происходивших в столице, и лучше Казимира знали, кто такой Столыпин и почему государь перевел его из провинции в Петербург, сделав на молодого чиновника ставку. Знали и то, что министр внутренних дел в правительстве второй человек после его председателя. Наверняка лакеи и швейцары, осведомленные во многих вопросах, хорошо разбирались и в делах житейских, ибо служили не только господам, но и полиции.

* * *

Новый министр получил приглашение на торжественное открытие Думы.

Принятый выборный закон дал России Первую Государственную думу. Она оказалась более левой, чем того ожидали власти. Ее стали называть думой «народного возмездия».

Дума была кадетской. Если бы конституционные демократы действовали с умом и обладали некоторым благоразумием, Дума прожила бы дольше. Вспомним, что говорил государь:

– Если создание Думы пойдет на пользу Отечеству, я ее разрешу!

Парламент в России был явлением доселе неизвестным. Большинство относилось к нему настороженно. Одних решение о созыве Думы обрадовало, других – а таких было большинство – разочаровало. Многие смотрели на нее, как на ненужную инстанцию, и предрекали разногласия и бедствия.

Дума зарвалась, забыв, что царь пошел на уступки не по велению разума, а под давлением общества и революционных событий, чтобы выпустить пар из котла. Царь был уверен, что собрание народных представителей поможет правительству навести порядок и мир, удовлетворив лишь разумные требования общества. Неразумные, считал он, удовлетворять нельзя.

Депутаты рассуждали иначе: за первой уступкой от царя они намеревались добиться других, подняв тем самым значение русского парламента. Стали звучать речи, разочаровывающие государя. Депутаты требовали отмены смертной казни, отчуждения частновладельческих земель, отставки правительства и упразднения Государственного совета. Началось то, чего так опасались противники либерального течения, настаивавшие на жестких мерах. Наверное, так и случилось бы, если бы в прежние годы не вспыхивали восстания и забастовки, не была пролита кровь. Еще чувствовался запах гари и пороха – власть вынуждена была выслушивать крикливые требования депутатов.

– Ничего, угомонятся, успокоятся, образумятся, – надеялись в верхах.

Не угомонились, не успокоились, не образумились. Напротив, требования в Думе стали более настойчивыми и озлобленными. Стало ясно, что от смутных призывов, звучавших на всю страну с кафедр Таврического дворца, спокойнее не станет.

...А тогда, в день торжественного открытия Думы, все выглядело иначе. Под восхищенными взглядами собравшихся к Таврическому дворцу подъехали государь в окружении свиты, депутаты в каретах. Чувствовалось: что-то необычное и знаменательное происходит в столице.

Новый министр внутренних дел прошел в зал, оглядывая собравшихся. Блестели мундиры придворных чинов, с ними контрастировали скромные гражданские костюмы депутатов. Один из придворных сановников, глядя на собравшихся в зале, обратил внимание на эту разницу и произнес в порыве откровения:

– Какие вопиющие различия! Смогут ли эти люди найти общий язык?

Столыпин хорошо запомнил эту фразу. Он подумал еще, что ради спасения государства просто необходимо, чтобы все собравшиеся на торжество поняли друг друга.

Почти все газеты утверждали, что прибытие царя имело историческое значение, так как это был первый и единственный выход государя императора к представителям народа как верхней, так и нижней палаты.

Государь был бледен, но довольно спокоен. Выступая, он произнес знаменательную фразу, тоже вошедшую в историю:

– Да исполнятся горячие мои желания видеть народ мой счастливым и передать сыну моему в наследство государство крепкое, благоустроенное и просвещенное.

Намерение было хорошее, но, как известно, не все намерения осуществляются.

Дума во многом разошлась с государем. Камнем преткновения стал вопрос о земле. Столыпин внимательно прислушивался к дебатам не только потому, что тема интересовала его, но и потому, что у него были на сей счет интересные мысли. К сожалению, в ведении министра внутренних дел были другие проблемы и ему больше приходилось наблюдать, как проходят прения в правительстве.

Наиболее консервативные государственные деятели верили, что оплотом консерватизма является именно крестьянство. Потому и состав первой Думы оказался преимущественно крестьянским. Но крестьянство – если не все, то основная часть его – поддерживало идею принудительного отчуждения земли в свою пользу, намереваясь провести ту самую меру, которую провел Александр II при освобождении их сословия.

Правительство было против.

Многие понимали: нашла коса на камень.

Впрочем, столкновения можно было избежать. Так считал граф Сергей Юльевич Витте. Он говорил: согласно законам, Дума – это всего лишь первая законодательная инстанция, и то, что она представит Государственному совету, не составляет ему обязанности принять. Государственный совет мог устранить все те крайности, по его мнению, которые Дума могла представить по крестьянскому вопросу. Вряд ли бы Государственный совет, половина членов которого назначалась государем, согласился с мнением депутатов Думы относительно земельного устройства крестьян. Если бы такое случилось, чего невозможно было даже ожидать, то тогда от государя зависело, утвердить закон или нет.

Горемыкин настаивал: нельзя допустить, чтобы Дума приступила даже к обсуждению вопроса о земельном устройстве. Он первым стал говорить о том, что такую Думу следует распустить, на одном из заседаний правительства, возглавляемом государем, когда Витте был председателем Совета министров. Витте стоял на своем. Это обстоятельство и было одной из причин, побудивших Витте просить государя уволить его с поста главы правительства.

Неспроста Горемыкин так заискивал перед государем, он чувствовал, что после ухода Витте пост главы правительства может достаться ему. Он выступал против предложения Витте еще и потому, что чуял, а вполне возможно, что и знал: дни Сергея Юльевича в правительстве сочтены. Слухи при дворе часто предшествовали событиям, а слухи о том, что государь недоволен Витте, становились все более упорными.

Горемыкин возглавил правительство накануне созыва Первой Государственной думы. В его правительство вошло много лиц, известных как крайние реакционеры и поклонники полицейского режима. Стало ясно, что и дни Думы сочтены.

– Стоит ли распускать Думу? – спрашивал Столыпин премьера. – Ведь никаких событий пока не предвидится?

– Вы же сами докладываете мне, что, по полицейской информации, большинство наших граждан как бы сошли с ума, – отвечал Горемыкин. – А когда произойдут эти события, Петр Аркадьевич, будет поздно.

В другой раз Горемыкин пригласил Столыпина к себе:

– Надо прозондировать почву: не случится ли революция, если мы разгоним Думу?

Столыпин опрашивал местных начальников: не произойдет ли от этого общего смятения? Больше всего Петр Аркадьевич опасался волнений в Москве. Он звонил московскому градоначальнику Рейнботу, задавая все тот же стереотипный вопрос.

– Не знаю... – не успокаивал тот министра.

Горемыкин откровенничал:

– Кадеты распускают слухи по этому предмету весьма различные. Эти слухи меня смущают.

Правительство смущала Москва, где недавно произошло вооруженное восстание. Из памяти еще не выветрился декабрь 1905 года, пылающая, как костер, Пресня. Власти колебались. А тут, так некстати, в московского генерал-губернатора адмирала Дубасова революционеры швырнули бомбу.

Не все было спокойно в империи, случались анархические выступления. Граф Витте сравнивал годы своего правления с деятельностью правительства Горемыкина:

– Замечательно, что в мое время, в течение полугода, даже в революционной обстановке, которую мы переживали, не было таких резких анархических выступлений и смут, какие явились после того, как вступило правительство Горемыкина и стало предпринимать явно реакционные меры.

Правительство находилось в растерянности.

Выход из создавшегося положения пытался найти генерал Трепов, тот самый всемогущий диктатор, который имел влияние на государя. Трепов разговаривал с лидером кадетов Милюковым и склонялся к мысли, что надо разрешить Милюкову сформировать кадетское правительство.

Столыпин этой идее не сочувствовал. Он уговаривал царя не соглашаться с предложением Трепова.

– А как вы думаете, Петр Аркадьевич, стоит ли нам распускать Думу? – спросил государь.

– Если ваше величество хочет избежать эксцессов, то от этого стоит воздержаться...

Но Горемыкин продолжал гнуть свою линию. Он по-прежнему настаивал на роспуске Думы, не считаясь с предупреждениями Столыпина. Он убеждал царя, что с такой Думой правительство ничего хорошего сделать не сможет и что она будет лишь революционизировать страну.

– Нам не нужны революции, – говорил Горемыкин, и царь с ним соглашался.

Впрочем, было неизвестно, что может привести к революции: роспуск Думы или отставка правительства. Потому царь и колебался, не зная, какое принять решение.

Трепов советовал менять правительство:

– Во-первых, меньше хлопот. В случае неудачи можно будет поменять его еще раз. Во-вторых, крестьянский вопрос будет тянуться до осени. До осени еще надо дожить.

Но Горемыкин стоял на своем и был упрям. Он не допускал никаких компромиссов и тактических уступок. В последний раз, а было это 7 июля, он на докладе у государя вновь затронул наболевший вопрос.

– Вы по-прежнему настаиваете на роспуске Думы? – поинтересовался государь.

– Да, ваше величество. Это будет наименьшее зло, ибо такая Дума лишь приведет не сегодня, так завтра к революционным эксцессам, а я против них.

– Я тоже, – согласился царь. – Но роспуск Думы, как я предполагаю, может привести к новому бунту.

– Ваше величество, поверьте мне, ничего подобного не случится! Вы получите возможность избрать такую Думу, которая удовлетворит вас. Правительство сможет работать на благо монархии и не склоняться перед народными избранниками, которые больше думают о себе, чем об интересах государства.

Уговорил Горемыкин правителя.

– Я готов подписать указ...

Спустя несколько часов после отъезда главы правительства государь имел разговор с генералом Треповым. Тот был возмущен, что старая лиса обманула его, опытного генерала, и добила от государя решения, о котором так долго спорили при дворе.

Трепов стал умолять, пока не поздно, отменить принятое решение. Возможно, он, а возможно, и государыня, с которой всегда советовался Николай II, уговорили его отменить указ. К Горемыкину срочно был отправлен фельдъегерь. «Семь раз отмерь, один – отрежь», – гласит русская пословица.

Царь, обдумав, принял решение. А потом сам же его отменил.

Сколько случалось в истории неприятностей и казусов от каких-то мелочей! Ну проснись Горемыкин ночью, когда к нему примчался из дворца фельдъегерь с новым распоряжением: «Указ не публиковать!», и, возможно, первая Дума сохранилась бы и выжила, направив отечественную историю в иное русло. Но Горемыкин спал, и российская история потекла по другому руслу.

Остряки позже шутили, что первая русская Дума пострадала из-за любви Горемыкина ко сну и спокойствию.

Узнав про ночной казус, царь остался страшно недоволен. Он не забыл, как Столыпин предлагал воздержаться от подобного опрометчивого шага и не толкать народ к недовольству. Столыпин революционных выступлений боялся больше, чем глава правительства.

Когда Горемыкин, выславшись, в хорошем расположении духа прибыл на доклад к царю, он был крайне удивлен.

– Я благодарен вам за ваш труд, – сказал царь, – но я принял решение вас уволить, а на пост председателя Совета министров назначить Петра Аркадьевича Столыпина.

Раздосадованный Горемыкин, потерявший в течение одной минуты должность, ту самую, к которой стремился многие десятилетия и ради которой так верно служил, никогда не скрывал, что подсидел его «саратовский выскочка», который, по его мнению, при помощи Трепова плел против него интригу.

В том, что это была интрига Столыпина, он, конечно, ошибался. Горемыкин винил других, но не считал виноватым себя. Он никак не мог понять, что его преемник оказался в нужном месте в нужное время. Кто еще мог успокоить народ, как не всесильный министр внутренних дел, который уже имел опыт управления, был смел, решителен и обладал энергией?

– Он не стал бы спать и читать мое решение утром... – заметил Николай II.

И был, разумеется, прав. Столыпин относился к службе иначе, чем старые сановники, привыкшие к размеренной жизни и осторожным решениям. Старики чиновники были медлительны и чересчур рассудительны, словно плыли по течению жизни. Они не обращали внимания на то, что времена давно уж изменились.

А вот в том, что здесь не обошлось без участия генерала Трепова, Горемыкин был, конечно, прав.

Трепов – всесильный человек при дворе, которого за глаза все называли диктатором за его влияние на царя, – выдвинул в свое время Горемыкина. Теперь же он с ним не уживался. Выдвигая кандидата, Трепов всегда полагал, что тот во всем будет ему послушен и станет действовать так, как будет им указано. Все знали, что своему протеже генерал даже составлял инструкции, в каких случаях как следует поступать.

Вначале Горемыкин следовал советам Трепова, правда, не всегда их в точности выполнял. Чтобы Горемыкин выполнял в точности соответствующую инструкцию, Трепов утверждал ее у царя. Николай II писал на инструкции: «Нахожу ее правильной» – и передавал главе правительства для руководства. Документ сей предписывал Горемыкину, как тому следует воздействовать на Думу, в каких случаях в нее являться и как выступать.

Горемыкину такая опека Трепова не нравилась. В свою очередь, и он охладил к своему всесильному покровителю.

Но Трепов был прав и замечания Горемыкину делал верные.

Глава правительства любил, как уже говорилось, покой и размеренность. Он мало бывал в Думе, а если и бывал, то выступал в ней всего лишь несколько раз. Его речи были декларативными, заранее написанными, что раздражало депутатов. Трепова такое отношение главы правительства к делу возмущало.

– Ваша тактика по отношению к Думе неверна, – советовал он. – Вы должны, бывая в Думе, представлять возражения против ее решений.

Горемыкин на словах соглашался, но на деле поступал по-своему. Перевоспитать себя он не мог, активности предпочитал, как прежде, спокойствие.

И тогда Трепов сделал неожиданный шаг – предложил государю от такого главы правительства избавиться.

– Он живет не в нашем времени, а в прошлом веке, – заключил он.

– Кого же вы имеете в виду? – спросил государь.

– Любого, но не такого медлительного, предпочитающего свой покой государственным делам.

– Тогда нам придется менять правительство, – констатировал Николай II.

– Если вы решите избрать новую Думу, более спокойную, чем эта, и более послушную, то надо, чтобы и правительство было составлено из людей либеральной марки, а такие лица, как Горемыкин, Стишинский, князь Ширинский-Шахматов, должны быть отправлены в отставку и заменены либералами.

Стишинский – главноуправляющий земледелием, Ширинский-Шахматов – обер-прокурор Святейшего синода – были сторонниками Горемыкина.

Государь продолжал выяснять отношение Трепова к составу будущего правительства:

– А кого бы вы предложили на их места?

– Вместо Стишинского – князя Васильчикова, а на место обер-прокурора – попечителя Петербургского учебного округа Извольского...

– Согласен, – сказал государь. – А кем бы вы предпочли заменить Горемыкина?

– Столыпинам, – был ответ верного слуги государя. – Он слышит в обществе либералом, но это не мешает ему, когда понадобится, проводить и жесткую политику, и даже более консервативную, чем нынешняя.

– Что ж, – произнес после паузы Николай II, – над вашими предложениями стоит подумать. Что касается Петра Аркадьевича, то мне он импонирует своими положительными качествами. Я думаю, что это именно тот человек, который сможет обуздать стихию. К тому же мне докладывали, что он много работает...

Столыпин действительно работал много. Он то принимал на даче государственных деятелей, то сам наносил визиты государю или министрам. Возвращался домой всегда поздно ночью, потому что заседания и встречи затягивались.

Гостившая на даче его двоюродная сестра графиня Орлова-Давыдова, дочь бывшего российского посла в Лондоне, удивилась, наблюдая занятость Петра Аркадьевича:

– Как можно работать без отдыха? В Англии, где мы жили, государственные деятели послеобеденное время посвящают исключительно семье или удовольствиям!

Узнав мнение родственницы, Столыпин заметил:

– Наверное, когда-нибудь так будет и у нас. Но прежде мы должны навести у себя порядок.

Оказалось, что именно в те дни, кроме своих министерских забот, он вел переговоры с кадетами, чтобы составить с ними коалиционное правительство и не допустить роспуска Думы. В таком случае, полагал он, правительство и Дума будут едины и смогут прийти к хорошему результату.

Вскоре выяснилось, что на предложенные условия кадеты не согласны. Тогда и возник вопрос о роспуске Государственной думы. Перед тем как распустить ее, Петербургскую и Киевскую губернии объявили на военном положении, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

С роспуском Думы были приостановлены и заседания в Государственном совете.

Одновременно с роспуском Думы произошло назначение П.А. Столыпина на должность председателя Совета министров России.

Когда депутаты пришли в Думу и ее двери оказались закрытыми, они возмутились. Кадеты пошли дальше возмущений, решив действовать против такого произвола. Некоторые из них направились в город Выборг, на территорию Финляндии, чтобы устроить там митинг протеста. Там же они составили воззвание, призывающее крестьян протестовать против роспуска Думы и прекратить уплату государству податей и налогов. Власти объявили эти действия непатриотичными и даже революционными.

– Вот вам их физиономия, – возмущался Трепов. – Они открыто призывают к неповиновению. Им мало одной революции, теперь подавай новую! Они хуже смутьянов, их надо судить!

Все члены бывшей Думы, подписавшие выборгское воззвание к населению, были отданы под суд, судимы и навсегда лишены права избираться.

Время революций и потрясений прошло. Власть закручивала гайки.

Ольга Борисовна опять говорила мужу:

– Меня не смущает твое назначение. Меня смущает, что эта столь высокая должность вызовет к тебе зависть и, как следствие, интриги. Против тебя будут строить козни...

– Сам я сторонюсь интриг, ты же знаешь, а то, что против меня будут интриговать, я знаю, в том секрета нет никакого. Меня этим не испугаешь. Но видит Бог, я принимаю должность с чистыми помыслами во благо Отечества!

До конца своей жизни Горемыкин был уверен в том, что назначение Столыпина не обошлось без серьезных происков.

– Обскакал меня этот саратовский выскочка, – как-то обронил он за обедом, на который были приглашены самые близкие его друзья.

Горемыкин верил, что получить высокий пост у государя можно лишь по протекции – у кого сильные покровители, тот и мог быть в фаворе.

Однажды, в бытность его министром внутренних дел, такое с ним случилось. Тогда он тоже был уверен, что его подсидели. Произошла эта неприятность, когда он находился в отъезде, – государь неожиданно сместил его, назначив министром Сипягина. Даже жена Горемыкина, вращавшаяся в высшем свете, где всегда все знали заранее, не услышала ни намека на предстоящую отставку мужа, так скрытно все свершилось.

Сам он имел понятие, как происходит подобное, совсем забыв о том, что его самого на должность министра проталкивал пользовавшийся влиянием на царя Константин Петрович

Победоносцев. Тогда государь рассматривал иные кандидатуры – Плеве и Сипягина, но Победоносцев убедил его, что полезнее будет именно Горемыкин. И назначение состоялось.

Сипягина и Плеве предлагал государю Витте, который иных кандидатур не представлял.

В отношениях Горемыкина с Витте что-то не ладилось. Произошло это, видимо, после совещания, которое провел Горемыкин, как министр, у себя на квартире. Было это в 1899 году, во время студенческих беспорядков. Тогда конная полиция, не приняв никаких предварительных мер, чтобы уговорить студентов, собравшихся в Санкт-Петербурге возле университета, применила силу. Несколько студентов были избиты.

На совещании и обсуждали действия полиции.

Витте сказал, что беспорядки прекратятся лишь тогда, когда будет проведено расследование и установят, кто виноват – студенты или полиция. Иначе, предостерег он, волнения перекинутся в другие города.

Горемыкин действия полиции одобрил:

– Сергей Юльевич, мы не можем поощрять действия молодежи и выслушивать их мнения. Порядок для всех один – и для молодежи, и для почтенных граждан. Кто нарушает порядок, тот должен быть наказан.

– Но вы должны понять, что одно событие влечет за собой другое. Если бы не было насильственного разгона, студенты разошлись бы сами.

– Я так не считаю, – сказал тогда министр внутренних дел.

Министр народного просвещения Боголепов, поддержав Горемыкина, одобрил действия полиции.

Витте настаивал на своем:

– Если не будет проведено расследование, инцидент может повториться. Я спрашиваю вас: лучше разобраться сегодня или ждать повторения беспорядков?

Решили повторения не ждать и предложить государю назначить расследование, которое провел генерал Ванновский, бывший военный министр. Государь назначил его, зная как человека твердого и решительного. Многие такому поручению удивились, решив, что государь хочет поддержать министра внутренних дел.

Ванновский поработал добросовестно. В большей степени он признал виновной полицию, и второстепенные чины ее были наказаны, хотя надлежало все же наказать не стрелочников, а лиц первостепенных, в том числе и самого министра Горемыкина, который оправдывал действия полиции.

Бывший военный министр оказался человеком не столь прямолинейным, как думали при дворе. Тут-то и вспомнили, что, делая карьеру, он долгое время возглавлял Петербургский кадетский корпус и, имея дело с молодежью, хорошо понимал психологию юношества, которая всегда разнится с психологией взрослых.

У Горемыкина появился еще один недруг.

А потом всплыла фигура Сипягина.

Но во всем виноват был сам Горемыкин, который ввязался в одну сомнительную поездку.

Когда в конце августа 1899 года государь уехал за границу, Горемыкин, будучи министром внутренних дел, тоже отправился в вояж. С ним поехали инженер Балинский, сын известного психиатра, и агент тайной полиции М.М. Лященко, сын генерала кавалерии, впоследствии закончивший карьеру в сумасшедшем доме. В Париже к ним присоединился Рачковский, который еще во времена Александра III заведовал тайной русской полицией во Франции. Рачковский был чрезвычайно умным человеком. Он так организовал надзор за русскими революционерами, обосновавшимися в Париже, что Департамент полиции на Фонтанке обо всех их действиях имел самую исчерпывающую информацию. В силу своих дарований и авантюрного склада ума Рачковский оказывал большее влияние на сближение Франции и России, чем послы обеих стран. Когда президент Франции Лубэ посещал Лион и поступило сообще-

ние, что на него готовится покушение, то охрану президента организовывал Рачковский, а не французы.

Лубэ говорил графу Витте:

– Я больше доверяю Рачковскому, чем выставленной возле меня охране. Он может продумать все детали и предусмотреть все действия врагов. Он чрезвычайно умен...

И Горемыкин знал, что Рачковский умен, обладает обширными связями и не чурается заниматься экономическими делами, естественно, с выгодой для себя.

Своеобразная делегация, имевшая определенные планы, поехала в Англию и путешествовала по своей заранее продуманной программе. Русские общались с коммерческими фирмами и даже входили в соглашение, касающееся сооружения круговой железной дороги на эстакадах вокруг Петербурга. Как видим, финансовые интересы чиновники проявляли всегда, не только в наше время.

Маршрут поездки и ее цели стали известны Татищеву, который в то время был агентом Министерства внутренних дел России в Париже. Татищев немедленно проинформировал Витте о подлинной цели поездки Горемыкина. Тот с удивлением ознакомился с секретным донесением. Не верить Татищеву Витте не мог...

Из воспоминаний графа С.Ю. Витте:

«...Татищев служил прежде в Министерстве иностранных дел и был блестящим дипломатом: он был католик и, в сущности говоря, правил посольством в Вене в то время, когда послом там был Новиков.

Когда вспыхнула Русско-турецкая война, то Татищев был большим противником наших близких и дружеских отношений с Германией. Вообще он был против нашего сближения с Германией. Поэтому, как уверял сам Татищев и что весьма вероятно, под влиянием Бисмарка он должен был покинуть пост секретаря венского посольства; тогда он поступил в добровольцы и пошел на войну. На войне он заслужил Георгиевский крест и затем вернулся в Россию.

...Я, зная Татищева как человека крайне талантливого и способного, предложил ему место агента Министерства финансов в Лондоне, которое он и занимал все время до вступления на пост министра внутренних дел Плеве. Когда Плеве занял этот пост, Татищев поступил в Министерство внутренних дел.

Кроме того, Татищев известен своими различными литературными трудами, статьями в „Новом времени“ и довольно капитальным трудом „История царствования Александра II“».

Узнав о коммерческом характере поездки министра внутренних дел, Татищев крайне удивился. Его поразило, что такой вельможа преследует личные интересы, игнорируя государственные. Потому в своем донесении, адресованном Витте, как своему начальнику, он указал: во время путешествия Горемыкин входил в весьма неприличные соглашения, указав конкретно, какие. Правда, он не утверждал, что сам Горемыкин к коммерции причастен, но что свита министра брала от английских промышленников различные промессы, обещая сделать заказы именно у них, было точно.

Потому Горемыкин и взял с собой этих людей, которые занимались коммерцией, чтобы самому остаться в стороне, подумал Витте.

Министр путешествовал, сочетая приятное с полезным, а в это время Сипягин, мечтавший о его должности, действовал, создавая свою интригу. Образно говоря, он своего предшественника подселел. 20 октября государь издал указ об увольнении Горемыкина и назначении Сипягина на должность министра внутренних дел.

Горемыкин был зол. Оставить просто так это дело он не мог и стал собирать доказательства, что его незаслуженно обидели, лишив должности. Разумеется, друзья по вояжу ему помогли в меру своих возможностей.

Сипягин всей кожей ощущал, что над ним нависла серьезная опасность и что ему надо что-то предпринимать. Он пришел к Витте и поинтересовался у него, кто такой Лященко. И узнал, что это очень отвратительный тип.

– О человеке судят по поступкам, а у него не только поступки легкомысленны, но и изречения, – сказал Витте. – Я хорошо знаю его и советую вам подальше от него держаться. Говорит он что-то и тут же от своих слов отказывается...

– Неужели он такой несерьезный человек?

– Да, – ответил Витте и поведал о донесении Татищева.

Сипягин был поражен.

– Сергей Юльевич, – попросил он, – позвольте мне ознакомиться с этим донесением...

– Да, конечно...

Через несколько дней Сипягин спросил Витте:

– Можно задержать это донесение на несколько недель?

– Мне лично оно не нужно. Когда и вам оно станет ненужным, передайте его, пожалуйста, в архив Министерства финансов.

Сипягин, видимо, хотел представить через своих людей, а возможно и сам, письмо Татищева государю, чтобы показать, насколько нечист на руку Горемыкин.

Когда Сипягина убили, Витте обратился к князю Святополк-Мирскому и Дурново, товарищам министра, чтобы выяснить у них судьбу секретного донесения. Он был уверен, что документ находится в личных бумагах бывшего министра.

– Да, такой документ действительно обнаружили, – ответили ему, – но его передали Зволянскому.

Зволянский был директором Департамента полиции и личным другом Горемыкина. Несмотря на это, Витте все же обратился к нему. Но напрасно.

– К сожалению, вернуть вам этот документ я не могу. Он уничтожен.

Зволянский говорил неправду, и Витте, хитрый лис русской политики, знавший все ее тонкости, это понял. Конечно, тот передал письмо Горемыкину, доказав, насколько он верен бывшему министру.

Витте был раздосадован – документ исчез, исчезло доказательство нечистоплотности Горемыкина.

Наверное, после этого поступка Горемыкин и стал злейшим врагом Витте, хотя прилюдно этого не показывал.

Самое удивительное в этой истории, поразившее Витте, что Горемыкин и Зволянский ухаживали за красавицей Петровой – женой генерала, который в то время был директором Департамента полиции и начальником жандармов. Витте полагал, что на этой почве они должны были рассориться, но оказалось, что конкуренты, напротив, были хорошими друзьями и увлечение их нисколько не разъединяло.

Вернемся еще к одной личности нашего повествования.

Министр народного просвещения Боголепов, придерживавшийся реакционных взглядов и не скрывавший их, на совещании у Горемыкина, когда стоял вопрос: «Пороть студентов или нет?», считал, что наказывать заносчивую молодежь просто необходимо. По этому поводу он даже спорил с Витте и Ванновским.

В 1901 году принятые Боголеповым меры возбудили университет. 14 февраля к нему на прием явился бывший студент Московского университета Карпович и, не мешкая, выстрелил в министра. Пуля попала тому в шею.

Кроме местных светил, лечивших Боголепова, из Берлина выписали знаменитого хирурга Бергмана, который, осмотрев раненого, успокоил членов правительства – жить министр будет.

Но Бергман ошибся. Через несколько дней после его отъезда Боголепов скончался.

Это было первое громкое политическое покушение в России начала XX века. Сколько будет в дальнейшем таких убийств – никто не подозревал.

* * *

Так иной раз завершались в столице интриги.

Начало полицейской карьеры

Новый министр пожелал встретиться со своими главными подчиненными – директором Департамента полиции и начальником Петербургского охранного отделения. От обоих он ждал подробного доклада – как идет борьба против революции.

С первым он говорил недолго, скорее ради приличия. П.И. Рачковского, возглавлявшего «политическую часть» департамента, он не уважал. Наверное, был против него заранее настроен в первую очередь Дурново, который к Рачковскому относился двойственно: признавал как профессионала, но не любил как человека, способного на авантюры и сомнительную игру. Начальники обычно любят послушных подчиненных, а этот таковым не являлся – всегда был готов вести свои игры за спиной старшего.

А вот от беседы с начальником охраны Столыпин получил удовольствие.

– Мы будем с вами сношаться, минуя департамент, – предупредил Столыпин Герасимова. – Мне так удобнее.

И добавил:

– Для вас, если будет что-то экстренное, я дома во всякое время дня и ночи.

Из воспоминаний генерала А.В. Герасимова:

«К этим дням относится начало моего знакомства с Петром Аркадьевичем Столыпиным. Работа под руководством последнего принадлежит к самым светлым, самым лучшим моментам моей жизни... Уже во время первого свидания Столыпин произвел на меня самое чарующее впечатление как ясностью своих взглядов, так и смелостью и решительностью выводов. Он знал обо мне от Дурново и потребовал, чтобы я представился ему немедленно после установления его в должность. Прием длился, наверное, около часа. Я сделал обстоятельный доклад о положении дел в революционных партиях. Столыпин просил меня сноситься с ним по всем делам, касающимся политической полиции, непосредственно, минуя Департамент полиции. Он хотел, чтобы я делал ему доклады по возможности каждый день. И действительно, почти ежедневно после 12 часов ночи я приезжал к нему с докладом, и если меня не было, он обычно звонил и спрашивался о причинах моего отсутствия».

Из бесед с Герасимовым Столыпин узнавал истинное состояние дел. Впрочем, как и многие другие, он понял обстановку по приему депутатов Думы в Зимнем дворце, когда на набережной Невы вдоль дворца стояли толпы людей, а депутаты прибывали на парходиках из Таврического дворца к Зимнему. Народ радостно приветствовал депутатов, направлявшихся на прием к царю, пел революционные песни. Некоторые депутаты на катерах подняли красные флаги.

В Зимнем дворце был отслужен молебен. Царь приветствовал народных представителей, многие из которых даже не скрывали недоброе отношение к монарху. В тот же день в столице состоялись демонстрации.

В правительстве считали, что с Думой, состоящей из людей, враждебно настроенных к самодержавию, вряд ли можно рассчитывать на какие-то реформы. Министров в Думе встречали как врагов, кричали: «Палачи! Кровопийцы!»

Столыпин согласился с Герасимовым: революция пошла на убыль, хотя хлопот с ней еще будет немало. Герасимов считал, что такую Думу, дурно настроенную, лучше всего распустить сразу, потому что с ней трудно будет найти общий язык, а Столыпин вносил в рассуждение некий корректив:

– Надо попробовать с ней договориться, чтобы избежать кризиса. Конечно, если не получится, то с депутатами придется распрощаться.

Он советовал Горемыкину, возглавлявшему правительство, на эту тему побеседовать с полковником Герасимовым. По его убеждению, тот лучше всех знает настроение в стране.

– Этот полковник, Иван Логгинович, может быть и вам полезен. Он имеет обширную информацию, которую необходимо знать, чтобы принимать решения.

– Да, я его доклад непременно выслушаю.

Выслушал, конечно. Правда, доклад его мало интересовал.

– Ну, ну, полковник, не надо так горячиться. Вы слишком молоды и потому принимаете все всерьез. Поживите с мое, будете спокойнее. Все устроится. Надо предоставить события естественному ходу вещей.

Полковник пробовал возразить:

– Но, ваше сиятельство, Дума уже сейчас оказывает вредное влияние, а устраиваемые в ней демонстрации, когда министров встречают и провожают криками «Палачи!», дискредитируют власть в глазах населения...

– Ну если министров так оскорбляют, то им не нужно и ходить в Думу. Пусть они там варятся в собственном соку. Дума сама себя дискредитирует перед населением.

Было ясно, что Горемыкин находится под полным влиянием Рачковского, а тот имел собственное мнение о ходе истории. Рачковский, которого не воспринял Столыпин, был дружен с главой правительства и часто общался с ним. Когда Горемыкин вступил в должность и переехал на казенную квартиру, находящуюся на Фонтанке, 16, туда же переехал и Рачковский. Он совсем забросил служебные дела и стал политическим советником Горемыкина, навязывая ему свои идеи.

Обратив внимание, что Рачковский все дни проводит в кабинете Ивана Логгиновича, Герасимов спросил у него, о чем это они постоянно беседуют.

Рачковский сделал добродушное лицо:

– Да так, о житейском...

Выяснилось, что Рачковский по заданию Горемыкина организовывал правые партии, а не только наблюдал за ходом истории. Наблюдал он и за депутатами Думы, для которой в полиции был создан особый орган надзора, что, впрочем, можно было и не делать – никто из депутатов не скрывал своих мыслей и деятельности. Жандармский офицер Бергольц, которому доверили надзор, ставший начальником думской охраны, знал, что Рачковский стремится создать внутри Думы сильную, монархически настроенную партию. Вначале это ему вроде удалось. Он даже поселил депутатов, на которых рассчитывал, в отдельное общежитие, чтобы иметь на них влияние. Большинство крестьян, поселившихся там, хотели получить землю, и когда выяснилось, что левые их не поддерживают, они разбежались. Большой план Рачковского – привлечь на сторону правительства правых крестьян – провалился.

Так рухнула главная идея Горемыкина.

– Теперь мы стоим перед дилеммой: менять Думу или правительство, – констатировал Иван Логгинович.

Свою точку зрения высказал и генерал Трепов, которого мысль о роспуске Думы приводила в трепет.

– Лучше создать новое правительство. Иначе мы придем к тому, что уже прошли – к восстаниям и выступлениям.

По своей инициативе Трепов переговорил с лидерами конституционно-демократической партии и о своих планах доложил государю: для блага России и сохранения династии необходимо пойти на уступки и создать думское министерство.

Горемыкин как всегда бездействовал и своего мнения не высказывал. Ему было все равно, распустят Думу или распустят правительство, хотя страх восстания пугал и его.

Сказал свое слово и Столыпин. Он был за немедленный роспуск Думы и высказался за невозможность сохранения существующего положения. Так как государь и Горемыкин не были вначале с ним согласны, он предложил провести с представителями думского большинства переговоры.

– Переговорить нам не мешает, – сказал он. – Во всяком случае, это выяснит положение. Или мы действительно на чем-нибудь сговоримся, или для всех станет ясно, что сговориться невозможно.

По предложению государя Столыпин вступил в переговоры. Одним из его основных собеседников был профессор Павел Николаевич Милюков. Каждый высказал свою точку зрения. Столыпин был готов поддержать думское правительство с оговорками только в том случае, если министров двора, военного, морского, иностранных и внутренних дел назначал бы только царь. Милюков с этим вроде был согласен, но настаивал, чтобы министра внутренних дел назначала только Дума. Из-за портфеля этого министра они долго спорили.

– Должность такого министра не может перейти в руки общественных правителей, потому что они не подготовлены к административной деятельности, – утверждал Столыпин. – Они не справятся с революционным движением и разложат аппарат власти.

– Этого мы не боимся, – ответил Милюков. – Правительство заявит революционным партиям, что имеются такие-то и такие-то свободы, перейти границы которых им не позволят. Досюда – и ни шагу дальше! А если бы революционное движение разгорелось, как утверждаете вы, то думское правительство не остановилось бы перед принятием самых решительных мер.

– Каких? – спросил Столыпин.

– Если надо будет, мы поставим гильотины на площадях и будем беспощадно расправляться с теми, кто ведет борьбу с правительством народного доверия! – пояснил Милюков.

От его слов запахло французской революцией, провозгласившей равенство, братство и свободу и в то же время казнившей своих сыновей. Гильотина была ее излюбленным орудием.

После беседы Столыпин сказал:

– Толку из всех этих переговоров не выйдет никакого. Однако в последних словах Милюкова имеется мысль. Гильотины не гильотины, а о чрезвычайных мерах подумать можно.

Столыпин стремился уговорить кадетов. Уж очень хотелось ему получить в правительство Милюкова, Гучкова и других известных политиков. Нужны были деятельные и влиятельные люди. Попытка, к сожалению, не удалась.

Переговоры выдвинули Столыпина на первую роль. Бездеятельный Горемыкин отошел на второй план. Теперь прислушивались к мнению Петра Аркадьевича. Последний все больше настраивался против Думы.

Иначе быть не могло. Ежедневно министр получал неутешительные сводки о положении в стране. Обстановка накалялась: и в армии говорили о восстании, проходили митинги, распространялись прокламации, а агитаторы призывали к новой революции. Везде было неспокойно.

Правительство пришло к единому мнению: предложить государю Думу распустить.

Царь спросил:

– Если будет возмущение, то справится ли с ним Горемыкин?

Тут-то ближайший советник государя барон Фредерикс, министр двора, к которому царь относился с большим доверием, и высказал свою точку зрения:

– Горемыкина должен заменить Столыпин. Тогда польза будет.

То было предложение, над которым государь задумался.

Есть интересная деталь, которую почему-то забывают историки. Фредерикс хорошо знал Столыпина. Когда-то он служил в гвардейском конном полку, где командиром был отец Столыпина. Говорили, что барон чуть ли не нянчил на руках маленького Петра. Теплые чувства к Столыпину у него сохранились на всю жизнь.

– Ну что ж, Столыпин так Столыпин. Я согласен, более решительной фигуры действительно сегодня у меня нет.

Так ответил государь барону.

Принимая решение о роспуске Думы, инициаторы его не знали весьма существенного момента, который влиял на политическую жизнь государства. Как только Дума открылась, в Москве собрался Совет партии социалистов-революционеров, единогласно высказавшийся за приостановку террористической борьбы. Эсеры рассуждали так: если будет соглашение правительства с Думой, то мы мешать этому не должны.

На заседании прозвучал вопрос:

– А если соглашение не состоится?

Тогда приняли резолюцию: если соглашения не будет, то Совет даст Центральному комитету партии право своей властью, не дожидаясь следующего собрания Совета, возобновить террор в тот момент, когда этого потребуют интересы революции.

На заседании Совета присутствовал агент полиции Азеф, который вроде подчинился решению Совета и временно распустил Боевую организацию. Пауза, которую он допустил, была для него выгодна.

Пока он не знал, будет ли министерство, в которое пришел новый министр, работать по старому или применит новые методы полицейской работы. Он хотел понять: по каким правилам пойдет игра – по новым или по старым?

Агент номер один

Из постоянных ночных докладов Герасимова Столыпин черпал для себя интересную информацию.

– Откуда у вас всегда такие ценные сведения? – однажды спросил Столыпин у начальника охранного отделения.

Герасимов не утаил, что знал, от ответа не ушел. С первого дня своего знакомства со Столыпиным он понял, что Петру Аркадьевичу можно доверять. Как опытный полицейский, он сознавал, что во внутриведомственной борьбе, присущей их министерству, ему следует делать ставку только на Столыпина. Поэтому и вел он себя с министром совершенно откровенно.

– У нас есть агент в центральном штабе эсеров. Агент весьма ценный, которому я полностью доверяю.

– Разве такие бывают? – с иронией спросил Столыпин.

– Бывают, Петр Аркадьевич, – и Герасимов открыл министру свою самую главную тайну.

Он рассказал, как благодаря своей настойчивости получил от Рачковского Азефа и сумел сделать его своим другом. Опекал он Азефа, как самого близкого человека.

– Что ж, – заметил Столыпин, – это весьма любопытно.

Из донесения Департамента полиции:

«Евно Фишелев Азеф родился в 1869 г. в местечке Лысково Гродненской губернии в семье портного. В 1874 г. семья переехала в г. Ростов-на-Дону. Там же окончил гимназию. После окончания гимназии перебивался мелкими заработками: давал уроки, служил в различных конторах, был репортером местной газеты „Донская пчелка“.

В 1884 г. примкнул к „Северному союзу социал-революционеров“. В 1892 г. уехал в Германию. В 1893 г. поступил в политехнический институт в г. Карлсруэ, где стал членом русской группы социалистов. В том же году предложил свои услуги Департаменту полиции... В 1899 г. получил диплом инженера-электрика в университете г. Дармштадта и вернулся в Россию...

В 1901 г. – один из организаторов партии социал-революционеров. 1903 г. – в Боевой организации партии эсеров... с 1893 г. – платный агент...»

Столыпин стал неизменно интересоваться Азефом. Он всегда спрашивал у Герасимова, что докладывает его подопечный.

– А вы узнали у Азефа, что он думает по этому поводу? – неизменно задавал он вопрос.

Герасимов обратил внимание на то, что Петра Аркадьевича как политика интересовали в первую очередь политические дела, и ему всегда хотелось знать, как Азеф оценивает реакцию той или иной группировки или фракции в Думе на действия правительства. По сути, он проводил политическую экспертизу, предсказывающую действия противников династии. Получив исчерпывающий ответ, Столыпин обязательно говорил:

– Передайте своему Азефу мою благодарность.

– Непременно передам, – обещал Герасимов.

Разумеется, передавал. Похвала Столыпина, конечно, льстила Азефу – как-никак на него обратил внимание сам министр, имя которого звучало по всей России. Хотя люди по-разному оценивали его деятельность, но то, что в министерство пришел сильный человек, не чета прежним руководителям, понимали все.

Когда возник вопрос о роспуске Думы, Столыпин просил Герасимова уточнить у Азефа, что он думает по поводу введения в правительство «общественных деятелей». Речь шла о Гуч-

кове, Шипове и других умеренных либералах, которыми Столыпин намеревался укрепить правительство.

Азеф отвечал: надо обязательно ввести этих людей в правительство, станет только лучше.

– Он считает, что это просто необходимо для умеренного развития страны, – передавал Герасимов слова своего агента.

Не обошел Азеф стороной и вопрос об аграрной реформе. Он высказался твердо: сельскую общину в том виде, в каком она существует, надо уничтожить, а вместо нее создать частнособственническое крестьянство. Только так, считал он, можно предупредить грозящую стране аграрную революцию.

– А ваш Азеф умеренный кадет, – констатировал Столыпин. – Слушаю вас и удивляюсь, как такой человек, как он, придерживающийся подобных взглядов, может входить в состав центра социал-революционеров, ведь он занимает совершенно иную позицию, чем его партия.

Однажды Столыпин сказал Герасимову, что хотел бы лично побеседовать с Азефом, чтобы получить ответы на вопросы, которые его интересуют.

– Я думаю, что он сможет их прояснить.

Но встреча не состоялась. Видимо, Герасимов не хотел сводить их, и на это у него была своя причина. Если бы он их познакомил, надобность в нем отпала бы – они могли контактировать в дальнейшем и без него. Что ж, профессионал все ходы просчитывал намного вперед.

Сам Столыпин был высокого мнения об агенте.

– Смотрите, Александр Васильевич, во что бы то ни стало сохраните его!

– Разумеется, Петр Аркадьевич, второго такого сотрудника найти мы не сможем. Он талантлив в нашем деле и, как видите, не только в нем, умен он и в политике.

– Потому вас и предупреждаю: ради Азефа можно пожертвовать менее крупными фигурами, если придется выбирать между ними.

Герасимов соглашался:

– Да, такой агент, как Азеф, стоит всех других, если не больше!

Конечно, Столыпин знал историю Азефа. Знал, что он прежде работал на Рачковского, но был им недоволен, потому что в угоду политическим амбициям Рачковский совсем о нем позабыл и не относился к нему с должным вниманием, бросив на произвол судьбы; знал, что Герасимов прибрал Азефа к рукам и относился к нему с большим вниманием и уважением. Он так и сказал Азефу: «Что было до Рачковского, меня больше не интересует». Но, думается, говорил он неправду. Копаясь в архиве, Герасимов проверял все следы, чтобы убедиться, не ведет ли тот двойную игру. Сопоставляя факты и сообщения агента, сверяя их с донесениями других сотрудников, Герасимов пришел к выводу, что все сообщения Азефа точны и объективны. Азеф играл честно. Его осведомленность о внутрипартийной жизни была совершенно исключительной.

Сам Азеф не скрывал, что с Герасимовым ему работать лучше, чем прежде с Рачковским.

– Ведь раньше было совершенно другое, – замечал он. – Прежние руководители нередко ставили меня под удар, не думая о последствиях. То были господа с куриными мозгами. Теперь вы понимаете, – говорил он Герасимову, – что от прежних господ у меня случались утайки, а от вас нет. Они меня не щадили, и иногда мне приходилось прилагать максимум усилий, чтобы выкрутиться из сложного положения. Они не считались с моими предупреждениями работать осторожно, ведь слухи о моем предательстве уже начали ходить среди революционеров...

Они хорошо понимали друг друга: каждый в своем лагере находился как бы на особом острове среди недоброжелателей, и, чтобы выжить, им приходилось действовать хитро и осторожно. В тайной игре полицейских и революционеров они стали союзниками, и этот союз помогал им выжить.

Они были открыты друг другу и честны, насколько возможно. Конечно, нередко Азеф и хитрил, пропуская иную информацию, но на то у него были свои соображения. Любой про-

мах стоил бы ему жизни, в то время как полковнику жандармов наказанием могли быть лишь отставка или отстранение от должности.

Азеф просил Герасимова передать его просьбу Столыпину. Он излагал ее по-житейски просто:

– Прежнее руководство обещало мне в случае провала пенсию и устройство на одном из глухих заводов Урала, чтобы я смог сносно существовать...

– Вы не должны особенно полагаться на них, так как Департамент полиции не имеет привычки выполнять свои обязательства, – откровенно ответил Герасимов.

Наверняка свои слова он Столыпину не повторял, но то, что говорил Азеф, передавал в точности.

– Тогда ответьте мне честно, – наступал Азеф. – Вы бы сдержали свое слово по отношению ко мне?

– Я всегда его держу. Что касается вашей персоны, то сделаю все возможное, чтобы ваш труд по моему ведомству был высоко оплачен.

– Спасибо за откровенность.

– Дам вам ценный совет. Начните копить деньги на черный день. Я вам повышу в ближайшее время жалованье до тысячи рублей в месяц. Такой суммы, заверяю вас, не получает у нас ни один агент.

– Если вы так любезны, – заметил Азеф, – то я прошу вас хранить мое завещание и, если со мной что-то случится, передать эти деньги моей жене.

– Разумное решение, – ответил Герасимов. – Еще разумнее было бы не тратить вам своего жалованья. Откладывайте его, а живите на деньги, которые вам дает партия.

Так же, как и денежные дела, они обговаривали все правила своей игры.

Каждая из сторон брала на себя определенные обязательства.

Герасимов говорил, что ему не нужна мелкая информация.

– О мелочах вы можете мне ничего не сообщать, – предупреждал он. – Я получаю это из других источников. Мне нужна от вас информация исключительно о людях и событиях главного значения – все то, что делается в Центральном комитете партии, в ее Совете, на съездах и конференциях, а равным образом в центре тех фракций Думы, которые близки социал-революционерам. Но учтите: ни один шаг не должен быть совершен без уведомления охранного отделения.

– Что я буду иметь взамен? – не скрывал своих интересов агент.

– Много. Я обещаю вам, что все действия с нашей стороны в отношении организаций, к которым вы имеете отношение, будут предприняты только по согласованию с вами, а информация, доставленная вами, будет держаться в строжайшей тайне, чтобы предупредить возможность выдачи секретов кем-либо из чиновников департамента. Вас это устроит?

– Да, – коротко ответил Азеф.

После такого согласования он «работал» с большим усердием.

* * *

В отличие от своих предшественников и коллег Герасимов был врожденным мастером сыска. Он редко ошибался, потому что удачно продумывал все ходы акции, принимая во внимание даже мелкие на первый взгляд детали. Считал, что мелких деталей не бывает, что именно они приводят к провалу хорошо организованной операции.

Он давно уже не жил на казенной квартире в здании Охранного отделения, а снимал частные апартаменты, квартиру на Итальянской улице – две меблированные комнаты с отдельным входом у вдовы, владелицы прачечной. Ей представился коммивояжером, объясняя тем свои постоянные отлучки. Конечно, настоящее свое имя он скрыл.

До этого у него был инцидент с хозяйкой, которая заподозрила неладное и донесла об этом в уголовную полицию. Герасимов заметил, что за его квартирой установлено наблюдение.

Он мог, конечно, снять подозрение одним звонком начальнику полиции, но не стал этого делать, чтобы сохранить свою тайну. Просто переменял квартиру и паспорт.

– Если тайну знает много лиц, то это уже не тайна, – согласился с Герасимовым Петр Аркадьевич. – А эту квартиру сколько знает лиц?

– Вы, я и Азеф. Пока тайна еще существует, – пошутил Герасимов.

Из воспоминаний А.В. Герасимова:

«На мою квартиру на Итальянской ежедневно приходил служитель из Охранного отделения, к которому я питал особое доверие. Он убирал квартиру, затапливал печку, готовил завтрак и будил меня. Кроме него эту мою квартиру знал только один человек – Азеф. Только этот последний бывал моим гостем. Встречались мы с ним регулярно раза два в неделю в заранее установленные часы и дни. Но он имел право, в особо важных случаях, приходиться ко мне вне очереди – только предупредив меня заранее по телефону. Эти визиты иногда длились часами.

Обычно хозяйка ставила нам самовар, и мы, сидя в креслах, вели беседу. Мы говорили на самые разнообразные темы – не только о том, что непосредственно относилось к деятельности Азефа. Он был наблюдательный человек и хороший знаток людей. Меня каждый раз поражало и богатство его памяти, и умение понимать мотивы поведения самых разнокалиберных людей, и вообще способность быстро ориентироваться в самых сложных и запутанных обстановках. Достаточно было назвать имя какого-либо человека, имевшего отношение к революционному лагерю, чтобы Азеф дал о нем подробную справку.

Часто оказывалось, что он знает об интересующем меня лице все: его прошлое и настоящее, его личную жизнь, его планы и намерения, честолюбив ли он, не чересчур ли хвастлив, его отношение к другим людям, друзьям и врагам. В своих рассказах и характеристиках он не был зложелателен по отношению к людям. Но видно было, что по-настоящему он мало кого уважает. И к тому же плохие и слабые черты людей он умел замечать легче и лучше, чем их хорошие черты.

Эти разговоры мне всегда много давали. Именно Азеф дал мне настоящее знание революционного подполья, особенно крупных его представителей».

Короткие каникулы Боевой организации эсеров закончились. Так как Дума и правительство не договорились и народных представителей распустили, то эсеры вновь вернулись к террору.

Во главе Боевой организации встал признанный в партии авторитет – Азеф. Она приступила к прежним делам – терактам.

Азеф быстро собрал организацию. Призвать старых членов ее «под ружье» было нетрудно – они обитали в Петербурге и Финляндии, ожидая, когда смогут приступить к работе. Набрали и новых добровольцев, мечтавших вступить в Боевую организацию. Настроение у революционеров было бодрое.

О своем новом назначении Азеф предупредил Герасимова. Тот своей радости не скрывал – все нити, ведущие к центру, наконец-то в руках его человека. О такой удаче можно было лишь мечтать.

Азеф, напротив, не скрывал своей озабоченности. Теперь ему предстояли две противоположные задачи: с одной стороны организовывать теракты, с другой – их срывать. Это казалось ему непосильным. Но Герасимов успокаивал:

– Вместе мы что-нибудь придумаем.

О положении дел в партии эсеров был осведомлен Столыпин. Он предупреждал Герасимова:

– Нельзя допустить террор против государя, членов императорского дома и важных лиц. Вы обязаны проследить, чтобы все действия эсеров были ограничены.

– Азеф принял руководство Боевой организацией, – докладывал Герасимов, – лишь посоветовавшись со мной. Мы контролируем каждый шаг революционеров, знаем все их намерения. Я помню, как он пришел ко мне и сказал, что партия социал-революционеров предложила ему этот пост, и я, скрепя сердце, посоветовал ему принять предложение. Он колебался. Он знал, что двойная игра может ему слишком дорого обойтись. Но мы получаем необыкновенные возможности внедрения в революционную организацию – и это очень важно.

– Конечно, он потребует для себя хорошие условия. Как вы думаете, какие? – спросил Петр Аркадьевич.

– Единственное условие, что ни один из его близких товарищей не будет арестован. Взамен он гарантирует – ни одно из намеченных покушений на царя не будет осуществлено.

– Хорошо, это нас устроит, – сказал Столыпин, одобряя действия полковника. – Оговорите соглашение так, чтобы в будущем не было никаких недоразумений.

И джентльменский договор между полицейским и революционером был заключен. Но это явилось лишь первым шагом в усилении охраны государя, второй состоял в том, чтоб извлечь конкретную выгоду из соглашения. Здесь уже все решал сам Герасимов.

Обычно охрана действовала при выезде государя по вполне обычной схеме: как только дворцовый комендант извещал о поездке государя в Петербург из Царского Села или Петергофа, где он обычно жил, столичный градоначальник мобилизовывал все полицейские силы для охраны его величества. Наряды устанавливались на всем пути следования, и в глаза сразу бросалось оживление полиции. Из-за ее нервозности и количества сохранить поездку в тайне не удавалось.

Герасимов поступал иначе. Узнав о поездке государя от дворцового коменданта, он сразу же находил Азефа, чтобы определить, где в данный момент находятся террористы, каковы их планы, и, выяснив все подробности, сообщал во дворец, может ли состояться поездка государя или нет.

Обычно Герасимов говорил:

– Сегодня нет, лучше послезавтра.

О своей информации Герасимов сообщал только Столыпину. Никто не был в курсе, какие события предшествуют поездкам Николая II.

Первым поднял шум градоначальник. Он звонил Герасимову, требуя разъяснений.

– Мои люди доложили, что сегодня видели государя на Невском проспекте, так ли это?

– Да, так.

– Но это невозможно! Почему об этом не извещен я? В таких условиях я не могу нести ответственность за охрану государя!

– Не беспокойтесь, – утешал его Герасимов. – Всю ответственность я беру на себя.

Градоначальник обращался к Столыпину, но тот, заранее посвященный в планы Герасимова, оставлял все жалобы без последствий, многозначительно говоря:

– Рад, что вы поставили меня в известность. Я переговорю с полковником Герасимовым, потребую от него разъяснений.

Не все шло так гладко, как хотелось. Однажды Азеф примчался к Герасимову разгневанный, метал громы и молнии:

– Ваши люди арестовали Карповича! Как вы могли такое допустить? Вы ставите меня под удар! Ныне мое положение совершенно невыносимо! И до этого ареста против меня было подозрение, а теперь оно усилилось. Если взят человек, с которым я общаюсь ежедневно, в то время как я гуляю на свободе, то всякий может понять, что это я передал Карповича в руки полиции.

– Надо во всем разобраться! – утихомиривал его Герасимов.

Азеф краснел, как рак, глаза его были гневными.

– Мне надоела такая жизнь! Я устал! Я не могу сотрудничать с вами! С меня довольно! Ухожу. Можно ли жить среди вечных тревог? Я уезжаю за границу!

– Бросьте вы это – ухожу, уезжаю! Возьмите себя в руки и действуйте, как всегда, с умом. Арест Карповича еще не беда. Я сделаю так, что в скором времени он будет освобожден и основание для освобождения будет отменным – вас не заподозрят.

– Вы должны освободить его хитро, – советовал, успокоившись, Азеф. – Так, чтобы его арест показался случайным...

После скандала, который ему устроил агент, Герасимов поспешил к министру.

– Кто такой этот Карпович, из-за которого поднялся такой скандал? – поинтересовался Столыпин.

– Его ближайший помощник, вроде адъютанта, Петр Карпович, бывший студент, тот самый, который покушался на министра народного просвещения профессора Боголепова. Был приговорен к двадцатилетней каторге, но бежал из Сибири и, вернувшись в столицу, предложил свои услуги Азефу.

Столыпин задумался.

– Что вы предлагаете?

– Отпустить его на волю, – сказал Герасимов, – иного выхода не вижу.

– Только сделайте это, Александр Васильевич, аккуратно. Как вас просит Азеф.

Выпустить арестованного на волю вовсе не означало открыть перед ним засов: иди куда хочешь, занимайся чем желаешь. Надо было так тонко организовать «побег», чтобы ни сам арестованный, ни его товарищи по партии не почувствовали подвоха. И потому Герасимов сам занялся этим делом, не передоверяя никому.

Сделав равнодушное лицо, как будто бы он действительно не знает, кто перед ним, полковник объявил Карповичу причину ареста.

– Мы подозреваем, что у вас фальшивый паспорт. Вас отправят на родину, где власти установят вашу личность.

Карпович, конечно, решил, что его не узнали. Отправка на родину его волновала меньше, чем нахождение в камере Охранного отделения, пока выясняли, кто он на самом деле.

Доверенный чиновник полковника получил секретные указания: при переводе арестованного из тюрьмы Охранного отделения в пересыльную предоставить тому возможность побега.

– Сделайте вид, что к нему безразличны, что вы глупы, наконец, безответственны, – напутствовал Герасимов чиновника. – Мне все равно, как вы это сделаете, но дайте ему возможность бежать. Инициатива должна исходить от него. Не стройте ему препятствий. Надо так отпустить Карповича, чтобы у него создалось убеждение, что он вас обхитрил. Вы поняли меня?

– Так точно, ваше благородие!

И чиновник повел арестованного в пересыльную тюрьму, переодевшись в форму надзирателя, чтобы не возникло подозрений, и, как бестолковый надзиратель – бывают же такие! – все делал небрежно, словно был занят своими мыслями и совсем не думал о служебных обязанностях.

Выйдя на улицу, он взял извозчика. Конечно, Карпович не думал, что перед ним разыгрывается спектакль: и кучер был агентом охраны, выполнявшим приказ.

По дороге надзиратель остановил пролетку. Арестованному сказал:

– Обождите немного. Я куплю папирос.

Поплелся в табачную лавку, где четверть часа проболтал с продавцом. Он наивно полагал, что выйдет, а арестованного уже и след простыл – вот приказание и выполнено.

Но Карпович терпеливо ждал в пролетке своего конвоира.

Поехали дальше, остановились. Надзиратель сказал арестованному:

– Хочу пить. Зайду в трактир, выпью пива.

В трактире он провел не менее четверти часа. Вышел, надеясь, что сопровождаемый воспользовался случаем и дал стрекача, но тот сидел смирно, ожидая его.

Последовала остановка возле другого трактира.

– Пойдем поедим, – предложил надзиратель Карповичу. – Время-то обеднее.

Не возражая, тот молча пошел за конвоиром.

Заказав еду, надзиратель стал сетовать: трудно жить нынче таким мелким чинам, как он, работы много, оклады небольшие, вечно опасности, тревоги, волнения, – видимо, хотел найти общий язык. Сказал, что вынужден состоять на такой работе, арестовывать хороших людей, в то время как душа у самого за них болит.

Убедившись, что контакта не получается, ушел в уборную. По пути предупредил лакея, что, если господин за его столом захочет уйти, пусть уходит – он платит. А сам из-за прикрытой двери наблюдал за арестованным. Выходили и входили люди, дверь на улицу была открыта, а Карпович ел и пил и никуда не торопился. Наконец поднялся и стал ходить от стола к двери, от двери к столу.

Чиновник рассказывал Герасимову, что в те минуты изрядно пропотел и решил отсидеться в уборной, пока арестант не выйдет на улицу. Лучшего случая бежать он предоставить ему не мог.

– Такого глупого я еще не видел! – говорил он.

А тогда ему было не до смеха – он мог не выполнить приказ самого начальника отделения!

Когда арестованный вышел, чиновник своим глазам не поверил и долго не покидал уборную, все боялся, что тот вдруг вернется. Страх корежил его...

Азеф был доволен, что Герасимов сдержал свое слово. При встрече сказал:

– Карпович с ликующим видом рассказал мне о непроходимой глупости полиции, позволившей ему совершить побег.

Когда Герасимов сообщил все подробности о «побеге» Карповича Столыпину, тот усмехнулся:

– Не понимаю, как такой человек мог бежать с каторги!

* * *

А дальше было не до смеха. Раздосадованные, что им никак не удастся подобраться к царю, боевики приняли решение организовать убийство ненавистного Столыпина, которого называли «вешателем». Они вели наблюдение за его поездками к царю и в Государственную думу. Правда, Азеф так располагал наблюдателей, что в течение долгого времени те никак не могли встретить министра и, естественно, нервничали, убеждаясь в безрезультатности своей работы.

Как всегда, гениальный план придумал сам Азеф. Когда находишься между двумя огнями, наверное, постоянно думаешь о том, как уберечься от того и другого. Тяжелая перед ним стояла задача: надо было накормить волков и одновременно сохранить овец.

Азеф предложил Герасимову вариант, по которому все действия боевиков должны были оказаться безрезультатными.

– Если добиться такого положения, то Центральный комитет партии придет к выводу, что Боевая организация работает на холостом ходу. С максимальным напряжением сил и нервов людей, с денежными затратами она не выполняет ни одного задания. Мое предложение: надо сделать так, чтобы руководители партии пришли к выводу, что прежними методами вести

дело центрального террора невозможно, потому на некоторое время надо распустить Боевую организацию.

Герасимову идея понравилась. Додуматься до нее никто из мастеров сыска не смог.

– Полагаю, ваш план следует проработать до мелочей, – заметил полковник.

Азеф пошел дальше.

– Если вы и я будем держать свои обязательства и не утаивать друг от друга даже мелкой информации, наш план восторжествует, – уверенно сказал Азеф. – Надо, чтобы вы его утвердили у министра, а то может возникнуть ситуация, которую вы своей властью решить не сможете. Мне ошибка будет стоить дороже, чем вам.

И окрыленный Герасимов отправился с докладом к Столыпину.

Узнав о предложении, Столыпин вначале заколебался – дело было необычное, сложное. Он подробно расспрашивал Герасимова о всех деталях новой идеи, видимо, боялся, что маленькие неприятности могут привести к большой трагедии. Он имел право на сомнения, потому что охота повелась бы и за ним, именно его голова была поставлена на карту, и, случись какая-нибудь погрешность или неожиданность, он бы ее лишился. Но опытный жандарм, мастер акций и провокаций, уверял, что при четкой постановке дела все случайности исключены.

– Я взял такое ручательство с Азефа, Петр Аркадьевич, – убеждал Герасимов и, пока Столыпин колебался, какое решение принять, пояснял:

– Вы же знаете, что в Боевой организации строгая дисциплина, ни один боевик не рискнет выступить без санкции руководителя. Кроме того, есть одно серьезное обстоятельство, о котором сообщил мне Азеф...

– Какое?

– Когда идут подготовительные работы, боевики, по правилам организации, выходят для наблюдения без оружия – если их случайно задержат, чтобы это не стало уликой в случае ареста. В свою очередь, мы усилим меры полицейского контроля, опасность сведем к нулю.

– Вам хорошо рассуждать, – заметил Столыпин, – за вами ведь боевики охотиться так рьяно не станут.

– Если бы охотились, я согласился бы находиться под контролем полиции и Азефа, – ответил он. – У нас хороший план, Петр Аркадьевич. Главное его достоинство состоит в том, что он реален.

– Хорошо, – был ответ, – я согласен.

Когда Азеф узнал, что Столыпин согласился с его планом, он еще больше оценил его мужество. Не каждый сановник смог бы рисковать собой, чтобы помочь полиции бороться с революционерами, ступившими на тропу войны. Не каждый смог бы жить и работать, зная, что его на каждом шагу поджидает опасность. Хотя Азеф и Герасимов уверяли Столыпина в том, что все неприятности сведены к минимуму, опасность все же оставалась. Кто мог поручиться, что не произойдет маленькая оплошность? В жизни часто бывают невероятные случайности.

Такого же мнения были и боевики, которые никак не могли подкараулить ненавистного Столыпина. Их постоянно преследовали неприятности. Как только они проведут подготовительную работу и расставят на разных местах группы наблюдения, следя за проезжающим министром, они видят крепкую охрану, мешающую подобраться к намеченной жертве.

Когда требовалось, Герасимов пускал опытных филеров, а так доверял дело «брандерам» – неумелым филерам, которые обязаны были спугнуть революционеров.

Боевики «брандеров» замечали сразу. Только дурак мог не заметить филера, севшего ему на хвост. Только слепой мог не узреть такого неопытного полицейского, обнаружившего себя.

Спугнутые наблюдатели сообщали об активизации полиции. Докладывали Азефу, который разводил руками:

– Не пойму, как такое возможно? Наверное, вы ошиблись, устали...

Но сообщения первых подтверждали другие. И тогда Азеф, как руководитель, принимал решение:

– Если полиция напала на след, наблюдение следует прекратить и ждать лучших времен.

В спешке боевики покидали столицу, бросая конспиративные квартиры, нанятые экипажи и лошадей оставляя на произвол судьбы, теряя деньги, затраченные на них. Своя шкура была дороже денег, поступающих из партийной кассы.

После каждой осечки собираясь в Финляндии, они приходили к выводу, что полиция заметила их случайно, что никаких оснований тревожиться нет, а надо составить новый план и опять приниматься за дело, которое непременно должно привести к удаче.

Правда, Азеф рассуждал иначе:

– Полиция слишком хорошо изучила все наши старые приемы. И в этом нет ничего удивительного: ведь у нас все те же извозчики, те же торговцы... А ведь фигурировали они еще в деле Плеве...

Он твердо придерживался намеченного плана, одобренного Герасимовым и Столыпиным, который должен был развалить Боевую организацию эсеров – грозную силу русской революции.

– Министру потребуется два часа, чтобы принять записавшихся, и было сказано, что больше никого принимать он не будет, – пояснил швейцар.

– Мы по делу, не терпящему отлагательства... – продолжил жандарм.

Мужчина во фраке, вышедший из-за его спины, оттолкнул старика швейцара, все они, словно ждавшие этого момента, вошли в дом и быстро направились в коридор, к кабинету Столыпина.

Швейцар крикнул:

– Стойте, господа! Стойте!

На его крик из дежурной комнаты выбежал Горбатенков. Схватив за руку жандарма, он предложил всем пройти за ним в дежурную комнату.

В одном из свидетельств мы находим такой факт: генерал Замятин, дежуривший при Столыпине в этот день, выйдя на шум, опытным глазом определил, что жандармы фальшивые, ненастоящие.

Из воспоминаний М.П. Бок:

«„Жандармы“ эти, очевидно, возбудили подозрение старика швейцара и состоявшего при моем отце генерала Замятина неправильностью формы. Дело в том, что головной убор жандармских офицеров недели две до этого был изменен, приехавшие же были в старых касках. Кроме того, они держали бережно в руках портфели, что не могло быть у представляющихся министру... Генерал Замятин, выдавший их из окон приемной, кинулся, чуя недоброе, в переднюю».

Дальнейшие события произошли в считанные секунды.

На помощь Горбатенкову бросился агент Мерзликин, вооруженный револьвером. Агенты попытались задержать пришельцев. Возможно, стали вырывать портфели, возможно, неизвестные умышленно швырнули портфели на пол – заряженные бомбы, лежавшие в них и ожидавшие своего времени, взорвались. Чудовищный взрыв сотряс дом. Вслед за ним последовали еще два взрыва – от первого сдетонировали и взорвались бомбы, находившиеся в ландо, где сидели эсеры из группы прикрытия. Они должны были поразить полицейских, если бы те стали преследовать боевиков после совершения террористического акта.

Последствия были ужасными: первая бомба разрушила часть дома, другие разорвали террористов в ландо. Их так и не опознали.

Взрыв, прогремевший в здании, был такой мощный, что большая часть дома взлетела на воздух. Послышались крики, стоны раненых и ржание лошадей. Деревянные части дома горели, каменные рассыпались.

Все находившиеся в передней и коридоре люди были разорваны в клочья...

Бог смилостивился над Столыпиным. Единственная комната, которая не пострадала в доме, был его кабинет.

Бронзовая чернильница, стоявшая на столе, подпрыгнула, как детский мяч, и, облив премьера чернилами, перелетела через его голову. В кабинете больше ничего не пострадало.

А рядом, в соседней комнате, не уцелело ничего – ни одной вещи, не остались целыми ни стены, ни потолок.

Женщина, ожидавшая приема, вспоминала, как разговаривала со знакомым, которого встретила в приемной, и в одну секунду тому оторвало голову.

«Его туловище стояло передо мной, а головы уже не было... Это было ужасно!»

Из воспоминаний М.П. Бок:

«В этот день, в три часа, я кончила давать моей маленькой сестре Олечке в нижней гостиной урок, и мы с ней вместе пошли наверх. Олечка вошла в верхнюю гостиную, а я направилась к себе через коридор, когда вдруг была ошеломлена ужасающим грохотом и, в ужасе озираясь вокруг себя, увидела на том месте, где только что была дверь, которую я собиралась открыть, огромное отверстие в стене и под ним, у самых моих ног, набережную Невки, деревья и реку.

Как я ни была потрясена происходящим, моей первой мыслью было: „Что с папá?“, я побежала к окну, но тут меня встретил Казимир и успокоительно ответил мне на вопрос: „Боже мой! Что же это?“ – „Ничего, Мария Петровна, это бомба!“»

Взрыв был такой силы, что на фабрике, находившейся на противоположной стороне реки, выбило все стекла.

Ужасная картина предстала после взрыва глазам людей – испытав шок, они находились в растерянности, не знали, что делать.

Мария Столыпина собралась было прыгнуть из окна на крышу нижнего балкона, чтобы попасть в кабинет отца, но лакей Казимир потянул ее в коридор. Здесь, вся в пыли и известке, стояла растерянная Ольга Борисовна.

– Ты жива? Где Наташа и Адя? – И мать машинально повела старшую дочку в верхнюю гостиную, где лежала другая дочь, Елена, болевшая третий день. Матери не терпелось увидеть в живых хоть еще одного своего ребенка.

В проем, образовавшийся после взрыва, виднелась гостиная, полная сломанной мебели. Пол и стены целы. А в комнате Марии, расположенной рядом, мебели не оказалась – ее выбросило на набережную.

Увидев такие разрушения, они замерли в оцепенении. Привел их в чувство голос Петра Аркадьевича, крикнувшего:

– Оля, где ты?

Жена откликнулась тихо, но он услышал ее голос и вновь спросил:

– Все дети с тобой?

– Нет, – ответила она. – Нет Наташи и Ади.

Как описать состояние родителей в те трагические секунды, не увидевших своих детей, не знавших, что с ними? Живы ли они, целы ли? Понять их могли только испытавшие нечто подобное.

Начались лихорадочные поиски.

А вокруг была страшная картина – вопли раненых и вой скорченных в разных позах искалеченных людей, застывшие тела убитых. Эти крики еще долго преследовали Столыпиных – не месяц, не два и не три.

Помогая раненым, они пробирались по развалинам, чтобы найти своих детей, узнать, что с ними. Тело мальчика лежало под обломками. Сердце Петра Аркадьевича сжалось, готовое разорваться, комок застрял в горле. Руки опустились, ноги стали ватными.

– Нет, нет, это не ваш сын, – заторопился чиновник для особых поручений, шедший рядом со Столыпиным.

– Кто же это?

У трупа уже стоял часовой.

– Сын его высокопревосходительства, Председателя Совета министров... – пробарабанил он скороговоркой, не зная Столыпина в лицо, но зная, что ему приказано охранять дачу председателя.

Казалось, только этот деревенский парень был в здравом уме и не потерял рассудок, как все остальные.

– Нет, нет, – перебил его чиновник и, обращаясь к Столыпину, пояснил: – Это сын про-
сителя. Тот привел мальчика, видно, для того, чтобы вас разжалобить...

Рядом с мальчиком лежал его отец, тоже мертвый. Оба нашли свой конец там, где наде-
ялись добиться лучшего.

– Почему он пришел на прием не один? – с горечью сказал Столыпин, отвернувшись от
трупов.

Из воспоминаний А.В. Герасимова:

«...Произошел страшный взрыв, от которого наряду с другими погибли сами максимали-
сты. Мне тотчас дали знать об этом по телефону, и я помчался на место взрыва. Незабываемое
ужасное зрелище развернулось перед моими глазами. Вся дача еще была окутана густыми клу-
бами дыма. Весь передний фасад здания разрушен. Кругом лежат обломки балкона и крыши.
Под обломками – разбитый экипаж и бьются раненые лошади. Вокруг несутся стоны. Повсюду
клячья человеческого мяса и кровь. Всего пострадало от взрыва около 100 человек, из кото-
рых, по официальным данным, 27 убитых – остальные ранены, и большей частью тяжело. Офи-
церы и солдаты вытаскивают лошадей, людей. Трусевича я застал уже тут, на месте. Вскоре
появились чины прокурорского надзора. Мне бросилась в глаза фигура министра Столыпина,
бледного, с царапиной на лице, но старающегося сохранить спокойствие. У него тяжело ранена
дочь. Но он передал ее на попечение другим и сам руководил спасением пострадавших от
взрыва».

Место взрыва было оцеплено солдатами, которые никого близко не подпускали.

Примчались кареты скорой помощи. Один из докторов, увидев такое количество убитых
и раненых, не мог прийти в себя. Он нервно гладил Адю по голове и причитал: «Бедные люди!
Бедные люди!»

Столыпина облегченно вздохнули, увидев сына. Единственный их наследник, которого
они так долго ждали и с которым связывали будущее своего рода, был жив!

Нашли и няню Ади. Она стонала и просила о помощи. Ее подняли и переложили на
диван, непонятно как оказавшийся во дворе.

– Ноги, ноги... – жалобно повторяла она.

Мария и ее подруга, отдыхавшая на даче у Столыпиных, стали расшнуровывать ботинки
няни. Когда Мария дотронулась до ботинка, он вместе с ногой отделился от туловища.

– Сколько ей лет? – спросила подруга Марии.

– Семнадцать, – вздохнула она.

В саду, на дорожках, на газоне лежали убитые и раненые. Вокруг валялись разбросанные
части человеческих тел. Метили боевики в одного, а убили много невинных людей.

По саду бегала кошка Наташи и жалобно мяукала.

– Ты жива? – обрадовалась старшая дочь Столыпина.

А потом нашли Наташу.

Адя отделался сравнительно легко – у него был перелом ноги и рана на голове. А вот
Наташа пострадала серьезнее. У четырнадцатилетней девочки оказались раздробленными обе
ноги. Она молчала, и потому вначале всем показалось, что травмирована не сильно. Закричала
лишь тогда, когда ее подняли, чтобы переложить на кровать. Кричала страшно.

Наташу и Адю выбросило взрывной волной с балкона на набережную. Девочке не
повезло. Она попала под копыта лошадей, запряженных в ландо. Ее накрыло доской, по кото-
рой били взбесившиеся от боли лошади. Наташу спас солдат, вытащив ее из-под доски. Она
на миг пришла в сознание и спросила:

– Это сон? – А потом, через секунду: – А папа жив?

– Да, – сказали ей, – он невредим.

– Слава Богу, что ранена я, а не он, – прошептала девочка и вновь потеряла сознание.

Из всех детей Столыпиных сильно пострадала только она. Страдания ее были ужасны. От ее крика, безнадежного, раздирающего душу, мороз подирал по коже.

Врачи объяснили, что первые минуты она находилась в шоке, не чувствовала боли, а потом, придя в сознание, ощущала боль постоянно.

– Крик раненой дочери стоит у меня в ушах...

Столыпин признался Крыжановскому, преданному ему человеку на должности товарища министра внутренних дел, интеллигентнейшему, умному и мягкому другу, что этот крик сопровождает его всюду, не умолкая, словно кто-то хочет, чтобы он всегда помнил, сколько крови пролито в стране и сколько ее будет пролито, если не принять резких и серьезных мер.

– Можно ли прощать этих террористов? – спрашивал он Крыжановского. – У меня перед глазами не только моя дочь, но и тот бедный мальчик, которого привел на прием отец. Чем он был виноват, что они его убили? Кто должен их судить за преступления и кто может их прощать?

Лишь к вечеру все стихло. Раненых развезли по больницам, трупы убрали.

Наташу и остальных детей, пострадавших во время взрыва, поместили в клинику доктора Калмайера, которая была к даче ближе других медицинских учреждений. Когда Петр Аркадьевич приехал в клинику, его ничем обрадовать не могли.

– Как Наташа?

– Плохо, – ответили врачи после консилиума. – Грозит ампутация.

– Но, может быть, обойдется? – молил Петр Аркадьевич ведущего хирурга.

– Спасти девочку удастся только в том случае, если проведем операцию не позже сегодняшнего вечера, – было его мнение.

Пригласили известного лейб-хирурга Павлова. Он согласился с коллегами, никаких других соображений не высказал.

Петр Аркадьевич попросил отложить операцию до утра, авось девочке станет лучше...

– Утром может быть поздно, – предупредили врачи.

Родители не спали всю ночь. Они надеялись на чудо. Столыпин сказал жене: «Лучше бы пострадал я, чем Наташа». Это была правда. Он хотел, чтобы все беды, обрушившиеся на его чадо, достались бы только ему, а не невинному существу, которое он любил так же горячо, как и остальных своих детей.

Утром профессор Греков сделал утешительный вывод:

– Возможно, ноги у Наташи и сохраним, но она будет калеккой...

– Неужели ни одного шанса?... – не уступал Столыпин.

– Если и есть, то один из тысячи, поверьте мне.

– Будем надеяться на него. Все же шанс есть!

От ампутации отказались.

Наташе повезло. Ей выпал один-единственный шанс из тысячи, о котором говорил уважаемый профессор.

Те дни были самыми трудными в жизни Столыпина. Он переживал за детей. Ужас при мысли, что дочь останется калеккой, страх за сына, который получил сотрясение мозга, что могло сказаться на его умственном развитии, не давали покоя. Из больниц приходили печальные известия: умер то один раненый, то другой.

Он понимал, что трагедия произошла только из-за него и в крови и слезах и в мучениях невинных людей виноват только он один.

Когда на твоей душе искалеченные судьбы других, жизнь становится невыносимой.

Здоровых детей и прислугу в тот же вечер перевезли в дом на Фонтанке, в новый красивый дом. Стали устраиваться. Девушки из прислуги просили их отпустить, некоторые бились в истерике, боялись новых покушений.

Лишь старый верный Казимир сохранял спокойствие.

– Что ж, Казимир, наверное, и вы захотите уйти от нас? – спросила старшая дочь Столыпина.

– Нет, Мария Петровна, куда Петр Аркадьевич и Ольга Борисовна, туда и я. Я их никогда не оставлю.

Казимир доказал свою верность не только тем, что не растерялся после взрыва. Он спас шкатулку с семейными драгоценностями, в которой хранились бриллианты Ольги Борисовны. Оказав помощь Марии, он пробрался под обломками в спальню Столыпиных и, разыскав заветный ящичек, выкинул его через окно в кусты, а затем, спустившись в сад, достал и отдал Ольге Борисовне.

Позже Столыпин сказал Крыжановскому, что все футляры, где хранились их семейные драгоценности, были пусты. Кто-то аккуратно опустошил их.

– Сразу же после взрыва я увидел странное явление. Когда пробежал в переднюю, то видел каких-то людей в синих блузах, копавшихся у моего туалетного столика. У меня не было времени да и мысли, чтобы их окликнуть. Я думал только о детях...

– Но как воры могли так быстро оказаться в вашей спальне? – удивился Крыжановский.

– Не знаю. Конечно, они не приехали вместе с террористами, а прибежали после взрыва. Но цель их состояла не в том, чтобы спасти людей, а в том, чтобы поживиться на чужом горе.

– Такова, в сущности, людская натура: если есть возможность прибрать чужое, многие это делают с легкостью. Ни один закон их не остановит.

– Если у человека нет совести и чести, он легко поддается искушению, – согласился Столыпин.

О своих потерянных драгоценностях он не сожалел, а вот о Марииных вздохнул – они старшей дочери достались от бабушки. То были драгоценности семейные, родовые.

– Все их отдал бы за здоровье Натали, – заключил Петр Аркадьевич.

– Ведь не все люди плохие! – заметила Ольга Борисовна, держа в руках шкатулку, спасенную Казимиром.

– Конечно, не все, – согласился супруг. – Иначе жизнь не имела бы смысла!

В первый же вечер в дом на Фонтанке, куда перебрались Столыпина, стали перевозить спасенные вещи – большие узлы с бельем, платьем и другими пожитками. Разбирая их, раскладывали по шкафам, стоящим в новой квартире.

Большинство вещей было в крови. Попадались лохмотья человеческой плоти.

– Это бессмысленное занятие, – констатировала Ольга Борисовна, – надо от этих вещей отказаться.

На Фонтанке хозяйничали Мария и ее подруга Маруся Кропоткина, вместе с ними пережившая взрыв на Аптекарском острове. Ольга Борисовна дежурила в больнице у Наташи, Петр Аркадьевич ездил к государю и в больницу, к дочери.

Он видел, как страдала бедная девочка. Первые дни она была без сознания, тихо бредила, лепеча бессвязные фразы о цветах, деревне, о том, что у нее теперь нет ног. И все время стонала. Двигаться не могла – ноги ее были подняты и закреплены вертикально вверх.

Видя страдания дочери, отец снова и снова винил себя в мучениях невинных людей, искалеченных жизнях, и страдания его от этого были невыносимы.

Это отметила в своем дневнике Мария Столыпина, вспоминая тот период жизни семьи. Она была права. Муки, пережитые ее отцом, сделали его совершенно другим человеком. Теперь он стал жестче относиться к террористам и тем, кто призывал к топору. «Если они хотят топора, то пусть его увидят!» – считал он.

Во время взрыва на Аптекарском острове пострадало много людей.

Столыпин, которого намеревались убить, остался в живых. Такова ирония истории.

Вскоре царь предложил Петру Аркадьевичу с семьей переехать в Зимний дворец. Решение разумное: во дворце лучше была организована охрана, везде стояли часовые, и по этой причине считалось, что дворец – хорошо охраняемая тюрьма.

Детям, Аде и Наташе, отвели громадные светлые комнаты, между которыми устроили перевязочную. Придворные заметили, что больная девочка лежит в покоях, служивших когда-то спальней Екатерине Великой.

Остальные дети с удовольствием бегали в сады. Один сад – большой – был внизу, другой – висячий – на уровне второго этажа. Здесь даже росли большие липы.

Сам Столыпин, чтобы не покидать своего убежища, гулял по залам или выходил на крышу дворца. Кабинет и комната Столыпиных-старших были без особого комфорта, но под присмотром охраны. Безопасность была превыше всего.

Часто вместе с детьми родители прогуливались по залам дворца. Зал за залом, гостиная за гостиной тянулись строгой анфиладой. Со стен смотрели на гуляющих портреты императоров, в таинственном полумраке отсвечивали позолоченные рамы, мебель и люстры, переливающиеся разноцветными огнями. В тронном зале стоял покрытый чехлом трон.

Во дворце было сумрачно. В каждом помещении светила лишь одна дежурная лампочка. Лениво шаркали обувью лакеи, избегавшие вопросов, – прислуга предпочитала молчать и не напрашиваться на разговоры.

Расхаживая по дворцу, Столыпин думал о том, как изменчиво время. Еще вчера в этих залах проходили важные приемы, гремела музыка, давались балы, а сегодня поселилась скука и серые сумерки заглядывали в окна дворца, как заглядывала в них революция.

Революции боялись. О ней не говорили, а если и говорили, то шепотом, не вслух.

На первом же после взрыва приеме государь предложил Столыпину большую денежную помощь для лечения детей. Столыпин сухо ответил:

– Ваше величество, я не продаю кровь своих детей.

Зря он так ответил. Государь говорил искренне, хотел помочь. И Николай II отнес резкий ответ Столыпина на счет его тягостного состояния. Конечно, думал он, только по этой причине Петр Аркадьевич находится в дурном расположении духа.

Известие о взрыве на даче Столыпина застало Азефа в Финляндии. Взрыв его испугал. Товарищи, обратившие внимание на нервозность Азефа, не могли понять, в чем дело. Кажется, радоваться надо было, что по вешателю Столыпину нанесен удар, и сожалеть лишь о том, что тот остался в живых, а тут непонятное смятение.

Валентина Попова, член Боевой организации, которую выдал Азеф, в то время работала в лаборатории, где изготовлялись бомбы. Она отметила: Иван Иванович – так в целях конспирации звали рядовые члены партии Азефа – неожиданно пришел вечером взволнованным, и более того, подавленным. Молча перелистал железнодорожный справочник, собрался ночевать в лаборатории, но потом раздумал и ушел на станцию.

Азеф нервничал не просто так. Он опасался, что Столыпин и Герасимов сочтут его обещания за обман, а его поручительство за Боевую организацию – за договор, сделанный лишь для отвода их глаз. Он опасался, что озлобленные руководители охраны, не зная настоящих организаторов взрыва, произведут аресты тех, кого он уже назвал, и своими решительными действиями провалят Азефа товарищам по партии.

И тогда он потребовал от товарищей публичного отречения от взрыва на даче Столыпина, что еще больше удивило членов Боевой организации. Прежде такого не практиковалось.

– Для чего это? – спрашивали Азефа.

– Мы должны осудить морально и политически сам способ такого покушения. Нельзя убивать невинных людей из-за одного виновного, – убеждал он и ссылался на Каляева, не позволившего себе бросить бомбу в великого князя Сергея Александровича лишь потому, что с ним рядом находились дети.

Такая позиция Азефа удивила членов Центрального комитета. В истории революционного движения подобных заявлений не делали.

Товарищи сказали:

– Если хочешь, напиши заявление сам.

Он написал. Этот документ действительно оказался единственным в своем роде – никогда революционеры, проповедовавшие террор, не смущались своей работы и от нее не отрекались.

«Максималисты», отошедшие от Боевой организации, сами во всеуслышание заявили, что взрыв на Аптекарском острове их рук дело. Теракт они причислили к своим заслугам.

Герасимов внимательно выслушал примчавшегося в Петербург Азефа и убедился, что он во всей этой истории не виновен. Он не знал о подготовке покушения и потому не мог своевременно оповестить охранку. Его простили, тем более что надежнее и крупнее, чем Азеф, агента в полиции не было.

Было ясно, что сам Азеф зол на «максималистов», которые так навредили ему своей автономностью, и теперь будет сообщать о них все, даже мелочи.

Как и Герасимов, Столыпин понимал, что, кроме Азефа, освещать деятельность революционеров на таком уровне некому. Но Столыпин резко изменил свое отношение к той тактике, которой не так давно его уговаривал придерживаться Герасимов, считая, что именно хитрый план в силах сделать работу Боевой организации холостой и никчемной. Теперь Столыпин требовал арестов и задержаний.

– Сорняк надо выдергивать вместе с корнем, – говорил он.

И Герасимов стал выдергивать сорняк, предупреждая министра, что в делах Боевой организации и «максималистов» ныне полный разлад.

– С одной стороны, это хорошо, – докладывал он, – у них нет единства, а вот с другой – плохо. У нас среди «максималистов» нет надежного агента, а потому мы идем, как в потемках, без надлежащей информации.

Герасимов докладывал министру о всех событиях, происходящих в партии эсеров. Своей ненависти к «максималистам» он не скрывал, не скрывал и озабоченности их стремительностью и смелостью. Те предпочитали методы, отличные от Боевой организации. Новая тактика ставила охрану в тупик. Привыкнув к одним методам, им было трудно понять новые, которые стали практиковать члены так называемых боевых летучих отрядов.

Пока существовала Боевая организация, взявшая монопольное право на террор, все действия в Петербурге находились под контролем Азефа. Ни один шаг не мог быть сделан без его разрешения и совета. Теперь, когда монополия кончилась и летучие отряды стали действовать самостоятельно, бороться с ними стало почти невозможно. Не было информации, чтобы зацепиться и продумать контрмеры.

– По информации Азефа, в партии сейчас действуют три боевые группы, – докладывал министру Герасимов.

– Вы знаете, какие?

– Информация у меня хоть не полная, но полезная. Полагаю, на первом месте стоит боевой отряд при Центральном комитете, созданный из бывших членов Боевой организации. Им руководит некий Зильберберг. Другую группу создали для покушения на Лауница также из бывших членов Боевой организации. Ею руководит некая «товарищ Бэла». Самая для нас пока непонятная третья группа, состоящая из людей, которые прежде к террору никакого отношения не имели. Она скрывается в Финляндии и наезжает в столицу временами, когда ей необходимо. Действует автономно, тем и опасна. За нее трудно зацепиться. Все члены этой группы чужды теории, на которой воспитаны старые боевики. Они даже в мелочах действуют иначе, чем старшие товарищи.

– А что же Азеф? Что говорит он? – интересовался Столыпин.

– Его назойливые вопросы могут вызвать настороженность, – ответил Герасимов. – Он не может спрашивать лишнее. Но, несмотря на замкнутость новых товарищей, он сделает все возможное, чтобы выведать у них информацию.

– Вы уверены?

– Да, Петр Аркадьевич. Он слишком ненавидит «максималистов», чтобы оставить их на свободе. При первой возможности выдаст их всех. Я хорошо знаю Азефа. Он не простит им то, что своими действиями они помешали нашему договору. И конечно, не простит потому, что ему, старому террористу, молодые нахалы наступают на пятки. Он самолюбив, наш Азеф.

– Если ваши предположения сбудутся, то хорошо, – заметил Столыпин. – Но сегодня я настаиваю на арестах! Хватит с ними нянчиться! Пора ужесточить нашу политику.

Из рапорта в Петербургское охранное отделение:

«Произведенным агентурным розыском удалось получить следующие сведения о погибших участниках взрыва на Аптекарском острове:

...21. Преступник в жандармской форме, атлетического сложения, уроженец г. Смоленска Никита Иванов...

22. Второй жандармский офицер (разорванный) – уроженец г. Минска, до середины 1905 г. проживал во Франции, откуда вернулся в Россию. В последнее время проживал по паспорту бельгийского подданного...

23. Преступник во фраке – уроженец г. Брянска, рабочий Бежецких заводов, имя Иван... Неоднократно привлекался к дознаниям местными органами.

Все вышеперечисленные принадлежат к московской организации максималистов».

Из газеты «Петербургский листок», 24 сентября 1906 года:

«По делу о взрыве на Аптекарском острове привлечено двадцать два человека. Полиция расследование продолжает».

«Максималисты»

Азеф говорил в свое время Герасимову:

– Больше всего меня смущает новая поросль. Она неуправляема и чересчур активна.

– Кого же вы имеете в виду?

– «Максималистов», разумеется.

И Азеф рассказывал своему патрону, как боевики настраиваются на убийство ненавистного министра внутренних дел, который стреноживает революцию.

– То, что никак не удастся подобраться к Столыпину, их приводит в ярость. Говорят, что надо менять тактику, но кто откажется от испытанных и проверенных методов?

– Ну а сами как вы считаете? – спрашивал Герасимов.

– Я того же мнения. Впрочем, Боевая организация еще долго будет обсуждать, как к нему подобраться, не то что молодняк, пришедший в революционное дело в последние годы. Молодняк настроен более решительно. Он и подпирает старых товарищей, критикует их за пассивность, предлагает новые методы.

В дальнейшей беседе выяснилось, что в Москве появилась совсем молодая организация, которая противостоит тактике Центрального комитета партии эсеров и требует более решительных действий против правительства. Оппозиционерам удалось привлечь на свою сторону энергичных молодых людей из крестьян и рабочих. В их рядах есть даже интеллигенты.

– Сословия тут роли никакой не играют, – заметил Азеф. – Главное – активность, готовность к самопожертвованию.

От Азефа Герасимов узнал, что после первого съезда эсеровской партии произошел формальный раскол между старыми товарищами и новыми, «максималистами». «Максималисты» выражали недовольство решением ЦК партии эсеров, принятым в октябре 1906 года, о прекращении террористической работы. Они настаивали на продолжении террора.

– Так что ждите пакостей, – предрек Азеф.

И был прав. Пакости вскоре последовали.

Первым шагом новой организации, заставившей о ней заговорить, стало ограбление, произведенное 7 марта 1906 года. В тот день боевики молодой организации экспроприировали у Московского общества взаимного кредита 800 тысяч рублей, сумму по тем временам огромную. Власти были в шоке.

– Это ужасно, – отреагировал Столыпин. – Надо срочно принимать меры.

Герасимов сориентировал агентов и филеров на «максималистов». Вскоре получил информацию: буйную молодежь ведет некий Медведь-Соколов, из крестьян Саратовской губернии, окончивший сельскохозяйственное училище. Агенты доносили, что Медведь – человек в своей среде влиятельный, с большой фантазией и смелостью.

Понятно, что Азеф достать Медведа не мог, нужны были иные источники, другие агенты. «Максималисты» из Москвы стали перебираться в Петербург. Агенты сообщили об этом заранее: ходят слухи, что «максималисты» готовят в столице новые акции, какие – неизвестно.

Но вот выпала долгожданная удача. Московская охранка сообщила: в Петербург прибывает один из «максималистов». Дали и его описание, и маленькую зацепочку. О ней Герасимов доложил Столыпину, хотя мелочи министру сообщал не всегда.

– Вот видите, Александр Васильевич, – обрадовался Столыпин, – и ниточка наконец появилась.

Ниточка повела к клубочку. Клубочек стал распутываться, правда, медленнее, чем того хотелось. Тем более что произошла неприятность: Медведь заметил преследовавший его хвост и скрылся. Вместе с ближайшими товарищами он бежал из города. Герасимов дал команду арестовать всех, кто был уже известен.

Так была взята лаборатория на Мытнинской набережной, в которой находилось пять разрывных снарядов и принадлежности для изготовления бомб. Одного из подпольщиков полицейские пристрелили – он пытался бежать и мог скрыться.

Герасимов уже потирал руки. Как выяснилось, делал он это преждевременно. Испортил ему настроение сам директор Департамента полиции, позвонивший с приятным сообщением.

– Александр Васильевич, у нас хороший улов, – сказал Трусевич. – Задержан один из «максималистов», который готов поступить к нам на службу.

– Поздравляю, – сухо ответил Герасимов. – Жду от вас подробностей.

И подробности появились.

В июне 1906 года в Киеве был арестован «максималист» Соломон Рысс, человек весьма активный и непоседливый. Взяли его при попытке ограбить артельщика. То ли Рысс хотел пожить, то ли пополнить кассу своей организации. Ему грозила смертная казнь.

Рысс заявил надзирателю, что хочет говорить лично с начальником Киевского охранного отделения полковником Ереминым, и тот на его просьбу откликнулся.

– Так что же вы намерены мне рассказать? – спросил Еремин.

– Нечто важное.

– Что именно?

– Сообщить структуру нашей организации, – ответил арестованный, – и другие ее тайны, если, конечно, вы поможете мне выпутаться из этой ситуации.

Еремин сказал, что из этой ситуации выход у него может быть только один: работать на полицию.

– Я согласен, – ответил Рысс.

– Тогда изложите письменно все, что знаете. Помните, что все ваши сообщения проверим, чтобы убедиться, говорите ли вы правду.

У Соломона Рысса действительно другого выхода не было. Он написал состав группы, дал характеристику товарищам, сообщил предстоящие их планы.

Полковник Еремин, почувствовавший, что неожиданно поймал жар-птицу, решил из рук ее не выпускать. Он прислал в Департамент полиции депешу с просьбой разрешить организовать Рыссу побег из заключения и подтверждал свое предложение хорошей перспективой.

Трусевич предложение Еремина принял, план вербовки агента одобрил.

Когда Еремин беседовал с Рыссом, тот поставил одно условие:

– Я настаиваю, чтобы со мной имели дело только вы, никто другой.

– А директор департамента? – спросил Еремин с издевкой. – Он будет иметь к вам отношение?

– А как вы думаете? – вопросом на вопрос ответил арестованный.

– Думаю, что будет, ведь он мой начальник.

– Тогда я имею дело только с вами и с Трусевичем.

Побег Рысса был организован. При этом пострадали охранявшие его жандарм и полицейский, которые, к своему несчастью, отвечали за арестованного. Они были преданы суду и наказаны – ни в чем не повинные люди были отправлены на каторгу. Так полиция играла в свои игры, ломая судьбы своих же людей.

Отличившегося полковника Еремина перевели в Петербург, предоставив должность помощника начальника секретного отдела департамента. Так Трусевич поощрил рвение подчиненного.

А Герасимову Трусевич говорил:

– А знаете, Александр Васильевич, что теперь «максималисты» у меня в кармане? Мы имеем такого замечательного агента, который будет нас предупреждать о каждом шаге «максималистов», расстраивать все их планы. Теперь мы с ними справимся.

– Вы уверены в этом? – спросил Герасимов. – Я лично – нет. Я читал первичный документ, в котором Рысс обещает говорить всю правду полиции, но не говорит ее.

– Этого быть не может. Он показал всю структуру своей организации. Вы не правы. Я убежден в искренности Рысса. Такого мнения и полковник Еремин.

– Если бы он хотел ее показать, он бы в первую очередь назвал явки, – парировал Герасимов. – А в его сообщении нет даже явок. Какая же это информация?

Трусевич стоял на своем и сомнению признания Рысса не подвергал. Он предупредил Герасимова, что департамент взял все это дело в свои руки, что пока им занимаются, арестов среди максималистов производить не следует, чтобы не спугнуть их, и что, если понадобится, их всех легко будет повязать.

Трусевич дал понять Герасимову, чтобы в это дело он больше не встревал.

Герасимов обо всем доложил министру.

– Не расстраивайтесь, Александр Васильевич. Надо же и департаменту поработать. Если Трусевич считает, что обезвредит максималистов, то пусть этим и займется. Посмотрим, справится ли. Если нет, мы ему поможем.

Через несколько дней «максималисты», которые, по словам Трусевича, находились у него в кармане, вылезли из кармана директора Департамента полиции и устроили взрыв на даче Столыпина.

На развалинах дачи и произошел новый разговор Герасимова и Трусевича по поводу «максималистов». Место было неподходящее, но значения это не имело. Оба прибыли на дачу на Аптекарском острове по сигналу тревоги.

Трусевич бормотал, глядя на развалины и трупы:

– Уверен, что к этому «максималисты» никакого отношения не имеют. Иначе бы Рысс предупредил нас. Это, вероятно, дело рук эсеров.

А Герасимов защищал эсеров, о которых имел подробную информацию от своих агентов. Тогда Трусевич стал сваливать вину на другую группу, на польских социалистов.

– Нет, нет, – возражал Герасимов. – Польских социалистов, по моим данным, в городе нет. Я все же склоняюсь к предположению, что это действия «максималистов», они ведь намеревались организовать акцию. Вот и организовали.

То, что прав Герасимов, а не Трусевич, подтвердили сами «максималисты», выпустившие листовку. Они взяли на себя организацию взрыва на даче премьера.

После этого состоялось объяснение двух высших чинов. Вернувшись к прежней теме, жандарм поставил под сомнение искренность нового агента, о котором было столько разговоров: о подготовке взрыва на Аптекарском острове тот не предупредил.

– Он себя еще покажет, – успокаивал собеседника Трусевич. – А молчал он, между прочим, оттого, что в городе его в эти дни не было. К тому же в Петербурге он недавно, не все связи еще наладил.

– Почему вы так предвзято относитесь к Трусевичу? – поинтересовался как-то Столыпин у Герасимова.

– Он считает себя знатоком розыскного дела, но, к сожалению, таковым не является. Слишком самонадеян – не принимает советов. Страшно болтлив – в дамском обществе или за карточным столом позволяет себе щегольнуть своей осведомленностью. Все это не к лицу директору такого департамента.

– И вы решили...

– Да, я решил не сообщать ему секретов своего отделения, так будет благоразумнее.

Побеседовав с Трусевичем, Столыпин вернулся к разговору о новом агенте.

– Александр Васильевич, как вы полагаете, может ли этот Рысс иметь информацию о делах максималистского центра?

– Считаю, что может, – ответил Герасимов, – насколько верны мои источники. Но вопрос в другом: захочет ли он освещать работу центра? Я лично не уверен в этом. Я его не знаю, у меня никаких непосредственных впечатлений на сей счет нет. Суждениям же Максимилиана Ивановича я не особенно доверяю. В отличие от социал-революционеров «максималисты» быстры, подвижны, действуют короткими ударами без длительной подготовки. Поэтому чрезвычайно важно их взять, как только мы нападём на их след. Мнение Трусевича, однако, иное, он препятствует арестам, что может вызвать роковые последствия.

Столыпин предложил Герасимову побеседовать с Рыссом, но Трусевич это предложение отклонил. Он не хотел отдавать агента в чужие руки. Так победитель не желает отдавать свои лавры другому, их не заслуживающему.

Противостояние Трусевича и Герасимова в министерстве продолжалось. Первый твердил о полной надежности Рысса, второй ставил его слова под сомнение.

– Никаких арестов! – упирался директор департамента. – Если их и производить, то только по согласованию с Рыссом. Я не поставлю под удар такого агента!

Министр поддержал Трусевича.

Герасимов пожелал ознакомиться с документацией по агенту. Изучив документы, он поразился наивности директора департамента и его сотрудников, поддерживающих своего начальника. Они явно шли по ложному следу.

К такому заключению Герасимов пришел, проанализировав сообщения агента, который если и давал какую-то информацию, то с одним лишь желанием – отвлечь полицию от главных дел. Ради этого «продавались» дела незначительные.

К полковнику пришла удача в результате тонкой интриги.

Один из агентов, действовавших в партии социал-революционеров, подобрался к петербургскому комитету и познакомился с Медведем. Стал оказывать ему услуги, втерся в доверие. Герасимов лично его наставлял:

– Станьте для Медведя своим человеком, выполняйте все его просьбы. Но только не переиграйте – он человек опытный, в людях разбирается, мигом вас раскусит.

Когда агент уже наладил хорошие отношения с Медведем, он и разыграл карту, на которую ставил жандарм. Он сказал доверительно жожаку «максималистов»:

– Что-то мне Соломон не нравится. Есть в нем нечто подозрительное...

– Ерунда, – вскинулся Медведь. – Рысс среди нас самый надежный. Твои подозрения лишены оснований. Если услышишь, что он провокатор, не верь – я сам дал ему задание втереться в доверие к полиции. Якшается он с ними ради дела, в интересах нашей организации. Будет время, мы его полицейские связи используем по большому счету. Вот так!

Сам того не зная, Медведь потихонечку «сдавал» свои планы подосланному агенту. От него в охранке узнали, что «максималисты» приобрели два мотора – так назывались тогда автомобили – и двух породистых рысаков. Похоже, готовились они к какому-то серьезному делу, возможно, налету на дачу премьера, поскольку приобрели дорогой транспорт, а это могло быть связано только с особой акцией. Что конкретно было на уме «максималистов», можно было лишь догадываться.

Агент доложил Герасимову:

– На одного из рысаков можете поглядеть на Невском, они на нем катаются.

– Дорогой рысак?

– Очень, – ответил агент. – Говорят, тысяч семнадцать отдали.

Герасимов удивился, и совершенно напрасно – ведь поступавшая информация свидетельствовала о том, что «максималисты» живут на широкую ногу, деньги швыряют налево и направо. Не зря агент сообщил, что готовится экспроприация, ибо накопления у них подходят к концу.

– Так быстро? – удивился Герасимов. – Ведь недавно они взяли чуть ли не миллион рублей!

– Всему приходит конец, – философски изрек секретный сотрудник. – А замыслов своих они даже не скрывают.

– Вот и узнайте подробности.

О том, что максималисты собираются напасть на перевозку денег из таможни в казначейство, Герасимов сообщил Столыпину. Сумма должна была, по их мнению, транспортироваться огромная, ради нее стоило пойти на риск.

– Когда задумывается налет? – спросил Столыпин.

– Четырнадцатого октября. Я проверил, в этот день действительно из таможни будут перевозить деньги. Сумма значительная. Интересно, что боевики точно знают и маршрут перевозки.

– Действуйте, – одобрил план министр.

От Столыпина Герасимов поспешил к Трусевичу, чтобы поставить его перед фактом. Он передал весь разговор с Петром Аркадьевичем, который распорядился арестовать террористов при нападении на транспорт.

Трусевич не верил в проведение акции:

– Рысс бы меня предупредил.

– Это я хочу вас предупредить в отношении Рысса, – оборвал его Герасимов. – Он готовит на вас покушение. Это несомненно, исходя из тех данных, которыми я располагаю. Рысс – не агент, он чистойшей воды боевик. То, что он задумал с товарищами и со своим руководителем Медведем, легко поддается расшифровке. Не понимаю, как вы еще ему верите.

Но Трусевич не сдавался. Говорил, что в ближайшее время встретится с агентом, что все выяснит во время встречи, что докажет необоснованность выдвинутых против него обвинений. Ему не хотелось верить, что его надежды на успех с вербовкой закончились плачевно.

– Ни в коем случае вы не должны с ним встречаться! – вскипал Герасимов. – Встреча с Рыссом, тем более на конспиративной квартире, – ваша смерть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.